

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ ПРЕВРАЩЕНИЕ В ТЕРРОРИСТОВ

Природа радикализации

■ РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ЖЕНЩИН

Равенство полов – ключ к безопасности

■ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩАЯ СИЛА

Боевики с Северного Кавказа присоединяются к ИГИЛ

■ ПРОСТОЙ ПУТЬ К УСПЕХУ

Низкотехнологичное радио оказывает
большое влияние

ПЛЮС

«Евразийский триумвират» России

Варианты индийской политики
в Афганистане

Новая стратегия безопасности Хорватии

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

10 Отчужденные

Лоранд Бодо

Чувство отчужденности разжигает радикализацию в Великобритании.

18 А как насчет женщин?

Джули Аростегуи ЛеМастер, доктор юридических наук

Важность гендерной политики в противодействии насильственному экстремизму.

24 Фактор иностранных боевиков

Дарья Николсон

Как террористические группировки оказывают влияние на Северном Кавказе.

30 Простое решение

Джон Хатчингс

Радиовещание в диапазоне ультракоротких волн – мощное оружие против экстремистской пропаганды в Сомали.

36 Как мир пришел в Северную Ирландию

Капитан Эндрю Апшоу, Сухопутные силы США

Разоружение, демобилизация и реинтеграция были заточены под конкретную ситуацию.

42 Борьба Мали против терроризма

Мухамед Кейта

Противостояние насильственному экстремизму на разных фронтах.

В каждом номере

- 4 ПИСЬМО ДИРЕКТОРА
- 5 АВТОРЫ
- 7 ТОЧКА ЗРЕНИЯ
- 66 КАЛЕНДАРЬ

ПОЛИТИКА

48 Извлекая пользу из хаоса

Ридван Бари Уркоста, Институт международных отношений, Варшавский университет

Россия создает «евразийский триумvirат» с Ираном и Турцией?

СОТРУДНИЧЕСТВО

52 Восстанавливая связи

Д-р Винай Каура, факультет международных отношений и исследований безопасности, Университет им. Сардара Патела

Варианты политики Индии в Афганистане.

БЕЗОПАСНОСТЬ

56 Новая стратегия безопасности

Дамир Крстичевич, Анита Перешин и Анто Зелич

Хорватия адаптируется к изменяющемуся миру.

60 «Молния» над Европой

Материал редакции *per Concordiam*

Суперсовременные истребители F-35A участвуют в обучении восточноевропейских членов НАТО.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

64 Возрождение ислама в Средней Азии

Рецензент: Диана Кларк Гилл

Группа ученых из разных стран делится своими оригинальными соображениями относительно возрождения ислама в странах Средней Азии.

на обложке:

Только ответ на глобальном уровне может дать отпор террористической угрозе, которая сейчас нависла над всем миром.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ *PER CONCORDIAM*

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

Представляем вашему вниманию 31-й выпуск журнала *per Concordiam*. Тема этого выпуска: «Создавая глобальную команду против глобальной угрозы». В нём мы рассматриваем то, как коллективная международная сеть исследователей и практических работников может помочь государствам и организациям в борьбе с терроризмом в различных регионах мира. Изучая наиболее эффективные варианты сочетания всеправительственного и всеобщественного подходов к национальным и международным стратегиям противостояния терроризму, эта сеть экспертов поможет разработать практический и всесторонний инструментарий и стратегии для борьбы с местными, региональными и глобальными террористическими группировками.

В рамках программы «Изучение терроризма и безопасности» (ПИТБ) в Центре им. Маршалла проводятся дискуссии о том, что боевики-террористы, возвращающиеся домой после участия в боях в Ираке и Сирии, представляют прямую угрозу своим странам. Дарья Николсон даёт свой анализ развитию событий, мотивации и приверженности иностранных боевиков-террористов с Северного Кавказа. Капитан Эндрю Апшоу считает, что ключом к долгосрочному разрешению любого конфликта, а особенно повстанческого движения в Северной Ирландии, является разоружение, демобилизация и реинтеграция в общество тех, кто ранее поддерживал насилие. Лоранд Бодо пишет о трудностях, связанных с обнаружением террористов-одиночек и предотвращением их появления и обсуждает взаимосвязь между чувством отчужденности и насильственной радикализацией.

ПИТБ также обсуждает важность всеправительственного и всеобщественного подхода к противостоянию терроризму и подчеркивает чрезвычайно важную роль и влияние гражданского общества и международных гуманитарных организаций. Последние дискуссии ПИТБ были посвящены женщинам в качестве политиков и партнёров, советников, юристов и сотрудников правоохранительных органов в решении проблем безопасности. Джули Арастегиу ЛеМастер утверждает, что вопросы прав человека, равенства полов и расширение возможностей женщин часто отходят на второй план, и считается, что этими вопросами надо заниматься только после того, как государство или регион окажутся в безопасности; однако, на самом деле внимание к этим вопросам является важнейшим условием достижения действительной безопасности.

Одна из задач Центра им. Маршалла состоит в том, чтобы развивать у участников ПИТБ и бывших выпускников общее понимание идеологий, стратегий и тактик современных террористических группировок в различных регионах мира и разрабатывать специальные рекомендации и наилучшие решения, которые могли бы использоваться в борьбе с террористической угрозой. Мы надеемся, что опубликованные в этом выпуске статьи на эту тематику вы сочтёте информативными.

Как всегда, мы в Центре Маршалла приветствуем ваши комментарии и рассуждения на эти темы и включим ваши ответы в последующие выпуски. Пожалуйста, связывайтесь с нами по электронной почте по адресу editor@perconcordiam.org

Искренне ваш,

Кит В. Дейтон
Директор

Кит В. Дейтон

Директор

Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла

Кит Дейтон вышел в отставку с военной службы в Сухопутных войсках США в конце 2010 г. в звании генерал-лейтенанта, прослужив в вооруженных силах более 40 лет. Его последним назначением на действительной военной службе была должность Координатора США по вопросам безопасности между Израилем и Палестиной в Иерусалиме. В его послужном списке служба в качестве офицера-артиллериста, а также работа на посту офицера по военно-политическим вопросам при штабе Сухопутных войск США в Вашингтоне (округ Колумбия) и военного атташе США в Российской Федерации. В его послужном списке работа на посту директора аналитической группы по Ираку в ходе операция «Свобода Ирака». Генерал-лейтенант Дейтон проходил стажировку в Колледже для старшего руководящего состава при Гарвардском университете. Он также являлся старшим стипендиатом от Сухопутных сил США в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Генерал-лейтенант Дейтон имеет степень бакалавра истории от Колледжа Вильгельма и Марии, степень магистра истории от Кембриджского университета, а также степень магистра международных отношений от Южнокалийфорнийского университета.

Джули Аростеги ЛеМастер, доктор юридических наук, юрист и эксперт по вопросам международных прав человека, гендерной политики и безопасности. Она обладает обширным опытом в вопросах мира и безопасности и выступает в роли международного правозащитника, советника, педагога, исследователя и писательницы, специализируясь в таких секторах как гражданское общество, политика, безопасность и юриспруденция. Джули работает со многими неправительственными и правительственными организациями; в настоящее время она приглашенный лектор в Центре им. Маршалла.

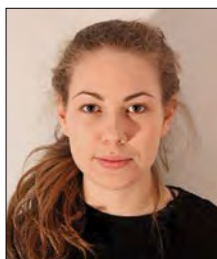
Лоранд Бодо, сотрудник консалтинговой фирмы Ridgeway Information, основная сфера его деятельности — использование разведывательных данных из открытых источников в целях обеспечения национальной и международной безопасности. Он с отличием окончил Университет Астон в Великобритании, где получил степень магистра в области управления и международной политики. Он также получил степень магистра в области политических наук с более узкой специализацией в управлении инновационными и сложными технологическими системами от Университета Бамберга в Германии. Кроме того, он имеет степень магистра в области научных исследований безопасности от факультета научных исследований безопасности и преступности Лондонского университетского колледжа.

Джон Хатчингс, специалист в области широкоэвентельных технологий и борьбы с насильственным экстремизмом, имеет почти десятилетний опыт работы в Сомали, где он сотрудничал с миссиями ООН, Африканского Союза и с правительством Сомали. Он руководил созданием радиостанции «Радио Бар Кулан» в Сомали в 2009 г.; финансирование радиостанции было предоставлено ООН. Он бывший военный специалист в области технологий наблюдения и коммуникаций и уже более 20 лет работает с крупными американскими и международными организациями в области СМИ в конфликтных или постконфликтных регионах мира. Он выпускник программ «Терроризм и вопросы безопасности» и «Борьба с международной организованной преступностью» в Центре им. Маршалла.

Д-р Винай Каура, преподаватель на кафедре международных отношений и исследований вопросов безопасности в Университете полиции, безопасности и криминологии им. Сардара Патела в провинции Раджастан в Индии. Он координатор университетского Центра изучения мира и конфликтов, а также исследователь-координатор программы «Конфликты и безопасность» для индийских полицейских профессионалов среднего ранга. Его исследовательские интересы включают внешнюю политику Индии, афгано-пакистанские отношения, борьбу с терроризмом и повстанческим движением и разрешение конфликта в Кашмире.

Дарья Николсон, выпускница Университета Амстердама, имеет совместную степень в общественных науках со специализацией в области международных отношений и политологии от Университета Амстердама и Университета Вридж в Амстердаме. Сферы ее академических интересов включают дипломатию, борьбу с терроризмом, разрешение конфликтов, глобальную безопасность, отношения между Европейским Союзом и Россией и странами СНГ, а также и другими странами бывшего Советского Союза. Она бывший интерн в Центре им. Маршалла, где она изучала вопросы сотрудничества в области борьбы с терроризмом, отношения между Европейским Союзом и Россией и ситуацию в северокавказском регионе России.

Ридван Бари Уркоста, исследователь в Институте международных отношений в Варшавском университете. Он регулярно публикуется в американских и европейских журналах как эксперт по российско-турецким отношениям и Крыму. Он уроженец украинского города Севастополь.

Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

СОЗДАВАЯ ГЛОБАЛЬНУЮ
КОМАНДУ ПРОТИВ
ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Том 8, № 3, 2017

*Европейский центр
по изучению вопросов
безопасности им. Дж.
К. Маршалла:*

Руководство

Кит В. Дейтон
Директор

Бен Рид
Заместитель директора (США)

Йоханн Бергер
Заместитель директора (Германия)

Посол Дуглас Гриффитс
Международные связи

Центр имени Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла — это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

per Concordiam editors
Marshall Center
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
editor@perconcordiam.org

per Concordiam — профессиональный журнал, ежеквартально публикуемый Европейским центром исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла и посвященный вопросам обороны и безопасности Европы и Евразии, предназначенный для ученых и специалистов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Мнения, выражаемые в этом журнале, не всегда представляют политику или точку зрения этого учреждения, равно как и любых других государственных органов Германии или США. Мнения, выражаемые в статьях, написанных авторами, не являющимися сотрудниками редакции, представляют исключительно точку зрения конкретного автора. Министр обороны принял решение, что публикация этого журнала необходима в целях работы с общественностью в соответствии с требованиями законодательства, распространяющегося на Министерство обороны США.

ISSN 2166-4080 (печатные издания)
ISSN 2166-417X (интернет)

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

Читайте новые и старые выпуски *per Concordiam*

<http://perconcordiam.com>

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в
Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Еженедельно получайте самые свежие новости о
глобальной безопасности

transnational
weekly
<http://www.marshallcenter.org>

Бдительность и СОТРУДНИЧЕСТВО

Правительства должны расширить сбор и обмен разведывательной информацией об ИГИЛ

Джеймс Хаукрофт

директор программы по изучению вопросов «Терроризм и вопросы безопасности» в Центра им. Маршалла

Три года спустя после объявления себя халифатом, ИГИЛ, организация, управлявшая большими территориями, находится на последнем издыхании. Ее противники медленно, но верно разрушили ее экономическую основу, а ее одновременно сумасбродные и жестокие попытки установить свое правление в Сирии и Ираке потерпели неудачу, так же, как и аналогичные попытки Аль-Каиды в Ираке. Авиаудары сил коалиции, захват культового города Дабик, а сейчас и падение Мосула, разрушили основной принцип ИГИЛ «остаемся на захваченных территориях и захватываем новые» и образ непобедимого движения. ИГИЛ больше не в состоянии вербовать бойцов или платить даже тем немногим фанатичным боевикам, которые решились вступить в ее ряды в последнее время.

И хотя халифат ИГИЛ прекратил свое существование, проблема, которую он представляет, по-прежнему существует. У ИГИЛ достаточно потенциала для осуществления нападений в любой стране мира. Службы безопасности многих стран не смогли как следует отследить, зафиксировать или предотвратить отъезд их граждан в Ирак и Сирию. И мы не должны быть такими же неподготовленными, когда бывшие боевики ИГИЛ начнут возвращаться домой – а они уже возвращаются. Сейчас самое время разработать сеть мероприятий для отслеживания, фиксирования и, в соответствии с законодательством, перехвата въезда иностранных боевиков-террористов в свои страны. Основой этих мероприятий являются обмен точными и действенными разведанными и их передача в распоряжение служб оперативного реагирования органов безопасности.

Мы уже хорошо понимаем, что иностранные боевики, возвращающиеся домой из Сирии и Ирака, представляют угрозу внутренней безопасности. Численность этого контингента предсказать трудно. Многие погибли в боях, некоторые останутся в Ираке и Сирии, по крайней мере, на какое-то время или

переедут в другие мусульманские страны. Некоторые из тех, кто вернется, никогда не имели боевого опыта или военной подготовки. Некоторые вернутся в свои семьи и в социальную среду, которая будет сдерживать стремление к насилию – по крайней мере, какое-то время. Нам неизвестно точное количество людей из этих категорий, а это означает, что нам также неизвестно количество действительно опасных вернувшихся боевиков.

Например, Комиссар ЕС по вопросам безопасности сэра Джулиан Кинг недавно оценил количество европейских боевиков-террористов в зоне конфликта в 2,5 тыс. человек. Он не смог ответить на вопрос о том, сколько представляющих опасность боевиков вернулось обратно в Европу. Общее число иностранных боевиков-террористов, уехавших в Ирак и Сирию, насчитывает от 30 до 40 тыс. человек, большинство из них было из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Из тех боевиков, которые вернулись домой, некоторые известны правительственным органам их стран. Однако, возвращение многих боевиков осталось незафиксированным. Проблема отслеживания возвращающихся домой боевиков резко возрастет по мере того, как начнут исчезать последние надежные прибежища ИГИЛ в городских районах Мосула и Ракки. Что мы должны делать?

Следует решить три основные проблемы, если Соединенные Штаты и правительства союзных стран намереваются эффективно использовать разведорганы для защиты граждан от угрозы, которую несут вернувшиеся боевики. Первая проблема заключается в том, чтобы собрать воедино всю имеющуюся разведывательную информацию и на каждого иностранного боевика-террориста завести отдельный файл или целевой пакет с полезной информацией. Вторая проблема состоит в том, чтобы значительно повысить эффективность обмена этими файлами между глобальными партнерами. Третья проблема в том, чтобы доставить эти пакеты в руки именно тех, кому они нужны

Иракские военные празднуют победу во время операции по восстановлению контроля над деревней в пригороде Мосула в ноябре 2016 г. По мере того, как ИГИЛ терпит одно поражение за другим на поле боя, возвращающиеся домой боевики представляют террористическую угрозу западным странам. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

больше всего – профессионалам оперативного реагирования органов безопасности на границах и транспортных узлах. Ни одна из этих проблем не является непреодолимой, и ни одна из них не требует новых или крупных капиталовложений. Что нам нужно – это политическая воля и лидеры для того, чтобы преодолеть устаревший стереотип мышления и ненужные запреты, ограничивающие обмен информацией и решение указанных проблем.

В зависимости от своих возможностей и предполагаемой угрозы своим странам, разведслужбы собирают данные для того, чтобы идентифицировать боевиков и их сети. Большинство национальных разведслужб имеют возможность перехватывать сообщения по электронной почте и телефонные разговоры боевиков. Сообщения в социальных сетях, выставляемые боевиками, гордящимися своими достижениями и желающими вербовать других членов и продемонстрировать свою преданность делу, представляют собой неоценимый источник информации для определения места нахождения террориста, его действий и сетей. Допросы и опросы вернувшихся иностранных боевиков иногда могут давать ценную информацию. Довольно часто семьи обращаются к властям с информацией и просят помочь вернуть своих родственников домой. Фотографии, отпечатки пальцев, и в некоторых случаях, ДНК остаются в правительственных базах данных, если человек оформлял водительские права, получал социальные пособия или когда-либо арестовывался или был осужден за преступление.

К сожалению, весь этот объем информации очень редко сводится воедино, объединяется или координируется, даже в рамках Европы. Например, перехваченные телефонные переговоры и переписка по электронной почте хранятся в организации, собирающей разведданные, и являются совершенно секретными, они не передаются другим ведомствам из опасения, что будут раскрыты методы сбора информации. Опросами возвращающихся

иностраных боевиков заведуют министерства или организации, которые занимаются получением разведданных от людей, и их информация также является совершенно секретной из-за опасения возможности раскрытия людей, предоставивших информацию; опять же, доступ других ведомств к этой информации чрезвычайно ограничен. Информация из социальных сетей менее засекречена, чем полученная с электронных устройств или от людей, и поэтому зачастую собирается каким-то другим управлением или агентством. Информацию о людях, совершивших преступления внутри страны, хранят министерства юстиции или их аналоги, но не разведслужбы. Фотографии и отпечатки пальцев тех, кто оформлял водительские права или получал социальные пособия, хранятся в местных правительственных учреждениях или в государственном министерстве по делам социального обеспечения.

Угроза со стороны возвращающихся боевиков настолько серьезна, что ради её устранения стоит сломать организационные и международные барьеры для того, чтобы сконцентрировать усилия на объединении всей развединформации и упрощении ее передачи. Нам необходимо сделать разведданные «действенными» – это означает, что они должны быть достаточно точными, чтобы их можно было использовать для осуществления конкретных действий для защиты граждан. И мы должны хранить их в готовом к использованию формате для тех, кому она понадобится в первую очередь: персоналу оперативного реагирования служб безопасности и правоохранительных органов, которые встречают возвращающихся боевиков при пересечении границы, при проезде через крупный транспортный узел или просто остановив водителя за нарушение правил дорожного движения. Для того, чтобы это сделать, необходимо рассекретить пакеты с разведданными с тем, чтобы их можно было передать в руки пограничников, таможенников или патрульных полицейских, у которых нет допуска к секретным документам.

Совершенно очевидно, что засекречивание источников развединформации различными ведомствами (а иногда и разными департаментами в одном и том же ведомстве) затрудняет любую попытку создать продукт, которым можно было бы широко обмениваться. Обычно, когда разведданные разной степени секретности объединяются в один продукт, то всему пакету информации присваивается самая высокая степень секретности. Это неприемлемо, учитывая ту угрозу, которую представляют иностранные боевики-террористы. Если руководители будут настаивать на обмене информацией, то аналитики могут создавать пакеты, из которых будет убрана информация об источниках и методах сбора данных, но сохранится важная и точная идентификационная информация, которая так нужна службам оперативного реагирования.

После того как правительства союзных стран преодевают свои внутренние сложности, следующим шагом будет обмен этими информационными пакетами со всеми правительствами, которые ответственно подходят к

такой информации. Конечно же, существует риск того, что какие-то правительства случайно допустят утечку информации, однако, польза широкого обмена информацией стоит того, чтобы пойти на небольшой риск. Интерпол является уникальным мировым информационным центром, в рамках которого можно было бы обмениваться такими пакетами со всеми 190 странами-членами. Интерпол на постоянной основе координирует обмен информацией, но он зависит от добровольного предоставления государствами-членами информации о своих гражданах. По данным Интерпола, из предполагаемых 30-40 тыс. иностранных боевиков-террористов у него есть сведения только о 8 тыс.

После получения этих пакетов соответствующими правительственными ведомствами, они в срочном порядке, с приложением необходимой информации должны быть переданы профессионалам, которые немедленно начнут их использовать. Устаревшая методология XX века, когда имена на предъявляемых документах сравнивались с именами в контрольном списке преступников, неэффективна – списки транслитерированных имен или кличек не являются достаточно надежным источником информации. У нас имеются более совершенные методы из арсенала XXI века: сканирование сетчатки или радужной оболочки глаза, ДНК, отпечатки пальцев, сопоставление подписей и компьютерные программы распознавания лиц. Мы должны оснастить ими сотрудников безопасности на местах, чтобы они быстро могли сравнить биометрические данные стоящего перед ними человека с теми, которые есть в их информационном пакете.

Конечно, у такого подхода есть свои недостатки. Как было отмечено, первая проблема, которую необходимо решить – снять с этой информации гриф секретности. Вторая проблема – создать простые, надежные узкополосные системы, которые обеспечат доступ к централизованной базе данных с ручных устройств, которыми будут оснащены сотрудники на местах. При современных технологиях эта цель достижима. Если простой человек при помощи карманного устройства может выйти в сеть и безопасно забронировать себе место и купить билет на самолет, то есть все основания настаивать на том, чтобы правительственные чиновники, используя подобные устройства, имели в реальном времени доступ к базам данных по иностранным боевикам-террористам.

Грамотные руководители могли бы преодолеть трудности с созданием таких устройств и соответствующих сетей, но проблема как раз в недостатке таких руководителей. Политики и их назначенцы – это, как правило, мужчины и женщины с академической подготовкой или аналитики с небольшим опытом управления большими организациями. У них недостаточно опыта, чтобы справиться с двумя реалиями: во-первых, организации чрезвычайно консервативны и забюрократизированы и, естественно, будут сопротивляться введению любых изменений; и, во-вторых, чрезвычайно трудно заставить существующие организации

качественно откорректировать свои стандартные операционные процедуры и начать делать что-то новое.

Изменения таких масштабов требуют особых полномочий и процедур для того, чтобы пробить стену бюрократической инерции и бездействия. По этим и другим причинам необходимо обеспечить межведомственную координацию, а именно внедрить директивный процесс, не основанный на принципе единогласия или дающий минимально приемлемые результаты. Учитывая срочность и высокую степень приоритетности этого вопроса, единственным органом, который может дать начало усилиям в нужном направлении, скорее всего, является администрация президента. Наши процедуры должны быть простыми, понятными и применимыми как можно большим количеством международных партнеров. Много пользы не будет, если правительство США сможет преодолеть все препятствия, а большинство наших союзников и региональных партнеров так и не смогут этого сделать.

Межведомственные усилия в США за пределами разведывательного сообщества должны охватывать Министерство юстиции, поскольку некоторые препятствия на пути к новым эффективным действиям носят юридический характер. Государственные руководители должны возглавлять усилия по разрешению обмена информацией об ограниченном количестве их граждан с правительствами других стран. Имеются совершенно законные требования соблюдения конфиденциальности частной жизни и прав человека. На этом особо уязвимом этапе руководители должны учитывать эти требования, но при этом все равно направлять усилия по объединению разведанных и обмену ими с партнерами. Одним из способов урегулирования вопроса о конфиденциальности частной жизни могло бы быть введение временного «положения о повышенных мерах безопасности» с указанием четкого периода его действия, во время которого международный обмен информацией будет ставиться выше соображений соблюдения конфиденциальности частной жизни. Введение такого периода должно быть одобрено Конгрессом; по возможности, такие документы не должны вводиться в действие одной лишь исполнительной директивой президента.

Есть определенные риски, связанные с этим подходом, но эти риски необходимо сравнить с рисками, связанными с сохранением нынешней ситуации без изменения. Когда вернувшимся домой боевиком или кем-то, кого он спровоцировал, будет совершен очередной теракт, то правительство США или любое другое правительство должно будет посмотреть в глаза своим гражданам и сказать со всей четкостью и уверенностью: «мы сделали все, что было в наших силах, чтобы защитить вас». Если правительство скажет это сейчас, то это будет ложью. □

ОТЧУЖДЕННЫЕ

Чувство отчужденности разжигает радикализацию в Великобритании

Лоранд Бодо, Ridgeway Information

На сегодняшний день большинство моделей и теорий, пытающихся объяснить, как и почему происходит радикализация личности, склонны считать радикализацию следствием определенных предшествующих явлений. В 2015 г. два ученых, Мухаммед Хафез и Крейтон Муллинз, обобщили всю последнюю эмпирическую литературу по вопросам причин и динамики радикализации доморощенного экстремизма внутри западных стран, предложив ее теоретический синтез. В соответствии с их теорией, насильственная радикализация, образно говоря, представляет собой головоломку, состоящую из четырех частей: недовольство; переплетенные межличностные связи; политические и религиозные идеологии; и благоприятная среда и поддерживающие структуры. Когда эти четыре фактора сходятся вместе, то, по их словам, человек превращается в воинствующего экстремиста. И хотя эти «ингредиенты» известны (или кажутся известными), противостояние радикализации все еще представляется трудной и сложной задачей. На самом деле, до сегодняшнего дня так и не найдено единое и универсальное объяснение радикализации, и, похоже, что его поиск может оказаться бесполезным занятием.

Д-р Шираз Махер, признанный эксперт в вопросах джихадистского движения, выделяет аспекты самобытности и принадлежности к группе в качестве наиболее важных движущих сил во многих случаях радикализации. И тут возникает вопрос, какой вклад эти факторы вносят в явление насильственной радикализации. Как свидетельствует анализ «Гражданского опроса» за 2001-2011 гг., проведенный в Англии и Уэльсе профессорами Саффроном Карлсеном и Джеймсом Назру, 90% мусульман, индусов, сикхов и христиан отождествляли себя с Великобританией. Другими словами, 90% опрошенных придерживались британских ценностей. И хотя этот процент довольно высок, остается все же 10% опрошенных, считающих, что они не принадлежат к обществу

Великобритании. Учитывая тот факт, что вопросы самобытности и сопричастности являются ключевыми движущими силами радикализации, и тот факт, что к исламистским вооруженным группировкам присоединилось больше британцев – мусульман, чем поступило на службу в Вооруженные силы Великобритании, это подводит к вопросу, в какой степени чувство отчужденности приводит к радикализации. Это становится чрезвычайно важным в разработке и реализации более эффективных контрмер для сдерживания и остановки процесса радикализации уязвимой части британских граждан. Таким образом, существует необходимость в более детальном понимании концепций самобытности, сопричастности и насильственной радикализации.

Возможно, что политики и существующие правила, обстановка в семье, общество в целом, британские мечети и интернет все вместе способствуют появлению этого чувства отчужденности. Выявление этих источников могло существенно повлиять на процесс насильственной радикализации отдельных людей, особенно мусульман во втором и третьем поколении. В этом случае следует подчеркнуть, что корень проблемы насильственной радикализации не в том, что человек изначально является религиозным фундаменталистом, а в том, что он принадлежит к группе, в которой доминирует определенная идеология.

Теория социальной самобытности

Ключевое допущение теории социальной самобытности (ТСС) состоит в том, что люди стремятся к повышению и сохранению самоуважения и позитивной социальной самобытности. Это приводит к тому, что они проводят социальное сравнение между группой, к которой они принадлежат («своей группой») и соответствующими группами, с которыми они себя сопоставляют («чужой группой»). По мнению авторов исследования Дональда М. Тэйлога и Фатхали М. Моггамада, конечная цель

такого сравнения состоит в обеспечении одновременно четкой и позитивной позиции для своей группы и прежде всего для ее самоуважения. Тем не менее, если собственная социальная самобытность покажется неудовлетворительной, люди будут стремиться покинуть свою группу и примкнуть к более позитивной чужой группе. Как альтернативный вариант, по мнению польского социального психолога Генри Таджфела, люди будут стремиться внести позитивные отличия в собственную группу.

Как считают исследователи Дэви Брэннан, Филип Ф. Эслер и Андерс Стриндберг, ТСС состоит из трех компонентов: когнитивного, оценочного и эмоционального. Основной постулат ТСС состоит в том, что человек идентифицирует себя с одной или несколькими группами, к которым он принадлежит. Когнитивный компонент здесь состоит в осознании сопричастности человека к конкретной группе. Например, молодой мужчина-мусульманин отождествляет себя по религиозному признаку с мусульманской общиной. Таким образом, он ощущает себя членом определенной мусульманской общины (группы мусульман). Второй элемент

Эта мечеть находится в г. Дюсбури в графстве Йоркшир в северной Англии, где жил 17-летний подросток до того, как он присоединился к «Исламскому государству» и стал террористом-смертником в Ираке. РЕЙТЕР

дает оценку членства индивидуума в группе. Как упоминалось ранее, люди стремятся к поддержанию и повышению самоуважения и социальной самобытности. Членство в определенной группе может иметь для человека как позитивную, так и негативную ценность. Возвращаясь к первому примеру, молодой мужчина-мусульманин может отрицательно оценивать свое членство в мусульманской общине.

Такая оценка может иметь несколько объяснений. Тем не менее, она ведет к третьему компоненту ТСС – эмоциональному. На основании своей оценки у человека появляется позитивная или негативная привязанность к своей группе. В предыдущем примере у молодого

мусульманина развилась негативная эмоциональная привязанность, такая как ненависть, неуважение, стыд и т.д. к своей группе, членом которой он является, т.е. к мусульманской общине. Как следствие, у него есть два варианта: он может покинуть мусульманскую общину и присоединиться к новой группе, например, к иудейской или христианской общине; или он может остаться в мусульманской общине и пытаться улучшить имидж своей группы. Этого можно достичь, например, путем усиления религиозности и разработки и реализации происламских кампаний с целью улучшения имиджа мусульманской общины среди широких слоев общества. Однако, независимо от выбранного варианта действий, все замыкается на повышении и поддержании самоуважения и социальной самобытности.

Идеология и проповедники ненависти

Идеология может представлять собой наиболее важный фактор в насильственной радикализации. В этой связи особо стоит выделить идеологию такфиризма, которая практикует объявление отдельных людей неверными. Эта строгая интерпретация в основном используется для устранения оппонентов и достижения большей власти. Например, в 1803 г. Абд аль-Азиз Ибн Мухаммад использовал идеологию такфиризма для оправдания уничтожения тысяч шиитов, включая женщин и детей, в г. Кербала (нынешний Ирак). Этот факт приводит исследователь Кэрен Армстронг. Использование идеологии такфиризма позволяет заклеить человека как неверного (*кафир*), что служит оправданием убийства этого человека.

Помимо идеологии такфиризма опасным элементом в процессе радикализации являются также и проповедники ненависти. «Это чистое безумие ... игнорировать тот факт, что сеющие раскол проповедники являются, возможно, самым опасным отдельно взятым элементом в сложившейся ситуации», – сказал автору этой статьи бывший экстремист и вербовщик. Особо он подчеркнул способность этих проповедников убеждать других людей: «Проповедники ненависти только усугубляют ситуацию, они извращают веру, они развращают сердца ... Они выступают в роли катализатора, они несут отраву, они не просто подливают масла в огонь, они бросают в огонь взрывчатку». Вкратце можно сказать, что идеология такфиризма и проповедники ненависти являются основными факторами, направляющими чувство отчужденности в русло насильственной радикализации. Само по себе чувство отчужденности не обязательно ведет к радикализации – феномен отчужденности довольно распространен, в то время как насильственная радикализация носит ограниченный характер. Таким образом, требуется посредник, который бы успешно направил негативные чувства отчужденности в сторону позитивного чувства принадлежности, но принадлежности к «неправильной» группе – к насильственной радикальной группировке.

Большая и маленькая буква «п»

Политика с маленькой буквы «п» чрезвычайно важна для формирования чувства сопричастности. Здесь имеется в виду ключевая концепция политической географии, которая разделяет политику на две основные категории – политику с большой буквы «П» и с маленькой. В традиционном понимании политикой с большой буквы «П» обозначаются государства и их отношения с другими странами, в то время как политика с маленькой буквы «п» определяется негосударственными субъектами, осуществляющими свою деятельность через общественные движения и другие группы, о чем говорится в книге «Ключевые концепции в политической географии», вышедшей в 2008 г. Тем не менее, как отмечает специалист в области социальной и городской географии Д-р Аршад Исаджиджи, политика с маленькой «п» занимается не только политикой негосударственных субъектов, но также и политикой самобытности и сопричастности. Сопричастность, как пишет исследователь Нира Юваль-Дэйвис, может быть двух типов: эмоциональная сопричастность, которая охватывает личные аспекты, такие как чувство комфорта, чувство дома и чувство счастья; и политика сопричастности, проводящая разделительные линии внутри государства, делящие людей на «нас» и «их». Говоря иными словами, политики и существующие правила могут передать либо чувство сопричастности, либо ощущение отчужденности, которые человеку чрезвычайно важны для понимания его самобытности. И на этом основании Исаджиджи считает, что политика с маленькой буквы «п» также важна, как и политика с большой «П».

Открытое письмо, опубликованное в газете «The Guardian», подчеркивает серьезное влияние, которое оказывает политика с маленькой буквы «п», когда она проводит разделительную линию между британским обществом и мусульманской общиной Великобритании. Автор письма, британец-мусульманин, обращается к речи тогдашнего премьер-министра Дэвида Кэмерона, призывающего бороться с экстремизмом в Великобритании, которая вызвала возмущение в среде британских мусульман. Автор письма жалуется, что «несмотря на то, что я родился в Манчестере, вырос здесь и являюсь добропорядочным гражданином этого города (оставим в стороне тот факт, что я болею за футбольный клуб «Ливерпуль»), впервые за 37 лет у меня появилось чувство отчужденности. Да, я мусульманин. Просто британский мусульманин». В этой цитате отмечаются два важных аспекта. Во-первых, возможности политиков провести разделительную линию в обществе, а именно линию между британскими мусульманами и остальной частью британских граждан. Во-вторых, разделение британцев на различные группы может заставить первую группу замкнуться в себе, объединиться на основе чувства солидарности и в конечном итоге образовать параллельное общество, таким образом еще больше отдаляя британских мусульман от всех остальных британцев.

Следующая цитата молодой мусульманки из Великобритании, позаимствованная из исследования Тахира Аббаса и Асмара Сиддики, подтверждает этот аргумент: «Все больше молодых мусульманок носит хиджаб (платок на голове) и все больше мужчин отращивают бороды и носят шапочки ... Я думаю, что это своеобразная форма сопротивления ... расизму и, как им кажется, нападкам на их веру. Это дает им чувство

**«Проповедники
ненависти
только
усугубляют
ситуацию, они
извращают
веру, они
развращают
сердца ... Они
выступают
в роли
катализатора,
они несут
отраву, они
не просто
подливают
масла в огонь,
они бросают
в огонь
взрывчатку».**

— Бывший экстремист
и вербовщик

самобытности». Если политики и существующие правила заставляют британских мусульман принять «британские ценности», и если в довершение всего им прямо или косвенно дают понять, что они не принадлежат к британскому обществу, то это может привести к серьезным последствиям в плане процесса их радикализации. Если у британских мусульман появится ощущение, что они больше не являются британцами, то, в соответствии с ТСС, принадлежность к мусульманской общине получит четко выраженную позитивную характеристику и поможет в укреплении и сохранении их социальной самобытности. Следовательно, эти люди смогут принять больше культурных и религиозных ценностей мусульманства, что в результате может привести к более строгой интерпретации ислама – иными словами, эти люди превратятся в религиозных фундаменталистов.

Обстановка в семье

Отчуждение британских мусульман происходит не только по вине политиков и существующих правил, начало этому может быть положено и в семье. Как считает бывший экстремист и вербовщик, давший интервью автору этой статьи, «воспитание ребенка в семье без должного чувства самоуважения способствует радикализации». Дисциплина в семье, например, строгое подчинение и уважение родителей, напрямую связано с чувством самоуважения в среде подростков из религиозных меньшинств. Как показывает исследование Дж. Е. Ольсена, Б. К. Барбера и С. С. Шегеля, опубликованное в 1997 г., применение психологического контроля внутри семьи, где исповедуются коллективистские ценности, такие как взаимозависимость, ведет к понижению самоуважения у детей. Кроме того, исследование, проведенное Х. Ченом, М. Лиу и Д. Ли в 2000 г., доказывает, что обстановка в семье имеет существенное влияние на физическое и умственное развитие подростков. Эти два исследования четко показывают, что неблагоприятная обстановка в семье, вызванная чрезмерной дисциплиной и отсутствием общения, в значительной степени сказывается на развитии подростков.

Недостаточное общение между членами семьи может привести к тому, что у ребенка с низким уровнем самоуважения разовьется психологическое расстройство, такое как эмоциональная уязвимость. Исследование, проведенное профессором психологии Мейфеном Вей и его коллегами, изучило вопрос о том, может ли использование социальной поддержки в отношении расовой дискриминации привести к психологическим расстройствам у лиц с высоким или низким уровнем самоуважения. Они пришли к выводу, что низкий уровень социальной поддержки, иными словами, недостаток общения в семье, может подвергнуть мальчиков с низким уровнем самоуважения риску развития психологических расстройств. Исследование, однако, не смогло прийти к законченным выводам относительно девочек.

Рассмотрение случая с Омаром аль Хаммани

– молодым человеком, присоединившимся к лагерю сомалийских террористов – является свидетельством того, насколько серьезное влияние может оказать обстановка в семье. Процесс его радикализации проходил отдельными этапами и начался с его интереса к террористическим нападениям 11 сентября. Газета «The New York Times» отмечает, что он сделал следующее замечание: «Трудно поверить в то, что это могли сделать мусульмане». Он пришел к выводу, что недостаточно знаком с исламом, что привело его к поискам наставников и учителей. Можно предположить, что эти наставники были проповедниками ненависти, использовавшими радикальную насильственную идеологию для того, чтобы подвергнуть Хаммами насильственной радикализации. Изучение этого конкретного случая не дает достаточно доказательств в поддержку этого предположения, но мы можем допустить, что обстановка в семье привела к тому, что Хаммами стал стремиться к строгой интерпретации ислама, а именно салафизму. Друзья Хаммами полагают, что его склонность к салафизму основана на желании подчеркнуть различия между ним и его отцом. Следовательно, основываясь на ТСС, можно предположить, что у Хаммами не было чувства принадлежности к своей семье, и, таким образом, он стал искать новую группу, которая бы повысила его чувство социальной самобытности. К сожалению, он присоединился не к той группе, к которой нужно – он присоединился к сомалийской террористической организации.

Общество

Аналогичным образом и общество может сделать эмоционально уязвимыми предрасположенных к этому людей. Расизм по отношению к мусульманам может очень серьезно повлиять на их ощущение сопричастности. По мнению профессора психологии Элизабет Брондоло, расизм можно демонстрировать различными способами, например, такими, как культурный расизм (как этнические группы представляются в СМИ), институциональный расизм (правила и/или институциональные процедуры, например, последствия политики противостояния радикализации) и межличностный расизм (расизм по отношению к отдельным людям в повседневной жизни). В исследовании, проведенном Брондоло и ее коллегами в 2012 г., был сделан вывод о том, что у людей, испытывающих проявление расизма, могут развиваться такие симптомы, как депрессия. И поэтому как семейная обстановка, так и общество могут вносить значительный вклад в формирование психологической уязвимости, которая подвергает человека большому риску стать жертвой насильственной радикализации – насильственное радикальное поведение может интерпретироваться как ответ на проявления расизма. Аббас и Саддики проанализировали представления о процессе радикализма среди британских мусульман – выходцев из стран Южной Азии – в английском городе Бирмингем. Один из тех, у кого брали интервью, обратил на себя внимание своим

заявлением относительно расизма и радикализации: «Я предполагаю, что радикальное поведение является ответом на многочисленные факторы ... ответом на подавление, вытеснение, расизм ... что заставляет молодых людей принять радикальный ислам как форму сопротивления». Политики, существующие правила, положение в семье и само общество имеют возможности посылать людям сигналы об их сопричастности или отчужденности. В случае с британскими мусульманами все эти факторы оказываются переплетенными и, что самое главное, способствуют процессу насильственной радикализации, делая уязвимыми подростков, податливых к насильственной радикальной идеологии.

Аналогичным образом фильм британских документалистов «На экране – джихад: Великобритания», вышедший в 2015 г., демонстрирует, как чувство отчужденности в двух случаях привело к принятию насильственной радикальной идеологии. В этом документальном фильме Дия Хан пытается добраться до корней исламского экстремизма в Великобритании, беседуя с бывшими экстремистами, среди прочего, о причинах, по которым молодые британцы-мусульмане присоединяются к насильственным радикальным группировкам, таким как ИГИЛ. Выделяются ответы двоих опрашиваемых – Альяса Кармана и Мунира Замира. У них есть общий фактор, способствовавший их насильственной радикализации, а именно чувство отчужденности, которое дало им британское общество. Карман и Замир чувствовали себя отвергнутыми британским обществом из-за своей этнической принадлежности, а Замир еще и из-за своей инвалидности. Замир вспоминает: ««ПАКИ – УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ!». Первые 16 лет своей жизни я слышал этот призыв с таким же постоянством, с каким пять раз в день раздается призыв к молитве». Эти постоянные агрессивные расистские высказывания глубоко задели Замира и в конце концов привели его к мысли о том, что он не принадлежит к британскому обществу. В противоположность ему Карман говорит: «Я сделал все, чтобы вписаться в общество, я даже встречался с белой девушкой и пробовал другие приемы ... и все равно общество меня не приняло». Оба этих случая подчеркивают важность сопричастности – оба молодых человека были отвергнуты британским обществом, что подтолкнуло их присоединиться к группе из другой категории с целью повысить свою социальную самобытность. К сожалению, они присоединились не к той группе, к какой нужно, и попали под влияние проповедника ненависти, который направил их недовольство в русло насильственного радикального поведения.

Британские мечети

Британские мечети должны представлять собой места утешения, дающие ориентиры и поддержку или, если быть более точным, источник сопричастности. Если же мечети вселяют чувство отчужденности, радикальные группировки заполняют этот вакуум, проповедуя насильственную идеологию, которая найдет отклик у уязвимых

Члены Форума британских мусульман и религиозные лидеры иных вероисповеданий пришли почтить память жертв взрыва бомбы во время концерта Арианы Гранде в Англии. Проявления миролюбия и принадлежности к единому обществу могут отбить желание у молодых людей идти по пути радикализации. АССОЦИЕЙТЕД ПРЕСС

подростков. Половина мусульманского населения Великобритании моложе 25 лет и представляет собой огромную мишень для радикальных группировок.

Два важных фактора подрывают роль британских мечетей. Во-первых, это способ функционирования британских мечетей, во-вторых, культурный и языковой барьер британских имамов. Имран Сулеман, имам, родившийся и прошедший обучение в Великобритании и проповедующий в мечетях по всей стране, сказал ведущей британского радио Самире Ахмед в 2015 г., что, по его мнению, многие пожилые имамы из индийского субконтинента настаивают на том, чтобы британские мечети функционировали точно также как в Индии или Пакистане. По оценкам опроса Фонда Quilliam, проведенного в 2008 г., подавляющее большинство британских имамов родились и прошли обучение за границей. И хотя эти статистические данные почти десятилетней давности, считается, что такое соотношение за эти годы не сильно изменилось. Если имамы отказываются принять современные британские культурные ценности, то в результате мечети в стране начинают функционировать так же, как за рубежом, что в свою очередь приводит к тому, что большое количество подростков начинают чувствовать, что они не принадлежат к британскому обществу, поскольку имамы проповедуют в такой манере, которая чужда традициям либерального и демократического государства.

Как следствие этого, молодые люди начинают искать источники, проповедующие ислам в таком контексте, который им больше подходит. У насильственных радикальных группировок есть возможность заполнить эту пустоту. «Многие молодые люди, когда они идут в мечеть и видят там узость мышления, устаревшие и непродуктивные культурные традиции, церемонию на языке, который они не понимают, то их начинает тянуть

к экстремизму или они идут на церемонию к тому проповеднику, который, по их мнению, более четко излагает свои мысли и свои взгляды», – разъяснил британский имам Сулеман в одной из радиопередач. Что касается культурных и языковых барьеров, то британские имамы не в состоянии объяснить британским мусульманам, как справляться с этими трудностями. Аббас и Саддики считают, что этот вакуум легко заполняется насильственными радикальными группировками, которые утверждают, что понимают проблемы недовольной молодежи, дают ответы на их вопросы, которые кажутся правильными, и самое главное – говорят на том языке, который понимает молодежь. Более того, аполитичный подход британских мечетей способствует распространению радикальной идеологии. Разрушительный побочный эффект такого подхода состоит в том, что люди, желающие обсудить политические вопросы, вынуждены искать тайные места, где они могли бы свободно выражать свои мысли и мнения без опасения быть изгнанным из мечети, что, согласно Исаджиджи, является основным наказанием за свободомыслие. Если мечети не могут быть тем местом, где мусульмане могли бы обсуждать политические вопросы, то такую возможность предоставят насильственные радикальные группировки.

Для того, чтобы подкрепить этот аргумент эмпирическими доказательствами, уместно будет рассказать историю радикализации бельгийского подростка по имени Джеджоен Ботник. Его «хождение в джихад», как это назвал журнал «The New Yorker», началось, когда ему было 15 лет, когда он стал плохо учиться в школе и его девушка перестала с ним встречаться. Отец описал психическое состояние сына следующим образом: «Джеджоен провалился в черную дыру». Сам Джеджоен описывает этот период как «поиск и стремление найти альтернативу боли». Когда ему было 16 лет, он стал встречаться с девушкой-марокканкой, которая ему очень нравилась. Она сказала ему, что если он хочет с ней встречаться, то он должен больше узнать об исламе. Как следствие этого, Джеджоен принял ислам в 2011 г. в мечети Де Копел в Бельгии. Переломным моментом в его «хождении в джихад», однако, было не принятие ислама, а именно мечеть, которую он посещал. Мечеть Де Копел, построенная в Антверпене в 2005 г., стала домом для сотен людей, перешедших в ислам, а также для мусульман второго поколения. Главная проблема состояла в том, что служения по пятницам проводились на арабском или турецком языках, которых Джеджоен не знал, что давало проповедникам ненависти возможность начать обрабатывать подростка. Через три месяца после принятия ислама сосед по имени Аззедин пригласил Джеджоена в штаб-квартиру «Шариат для Бельгии», организации, призванной установить халифат в Бельгии. Большую часть своего времени Джеджоен проводил в «Шариате для Бельгии», где, скорее всего, и прошел процесс радикализации. Как пишет журнал «The New Yorker», кульминацией его приобщения к джихаду стала поездка в

Сирию с целью присоединиться к своим друзьям на поле боя. Опять же, ощущение отчужденности, – вызванное языковым барьером, необходимостью улучшить свою социальную самобытность и проповедниками ненависти, заставило уязвимого подростка присоединиться к более выраженной группе. У него был интерес к изучению ислама, но он не мог понять имама в мечети. «Шариат для Бельгии» ухватилась за эту возможность и предложила ему то, что он хотел – изучение ислама на том языке, который он понимал. К сожалению, эта организация проповедует насильственную радикальную идеологию, а не истинные ценности ислама.

Роль интернета

Интернет представляет собой еще один важный фактор, способствующий появлению чувства отчужденности. В сегодняшнем мире цифровых технологий этот фактор играет чрезвычайно важную роль в процессе радикализации. Во-первых, он служит виртуальным передатчиком сообщений для общества; во-вторых, он является своеобразным узлом связи для отчужденных людей. Как считает Исаджиджи, интернет в качестве передатчика сообщений, а особенно секции комментариев к газетным статьям в режиме онлайн, блоги и Фейсбук имеют особенно пагубное влияние на человеческое ощущение сопричастности к обществу. Например, секции комментариев к публикациям на веб-сайте «Huffington Post» или в газете «The Guardian» полны расистских антимусульманских комментариев, утверждающих, что мусульмане не принадлежат к британскому обществу. Можно предположить, что интернет приводит к эмоциональной уязвимости, поскольку он представляет собой виртуальное пространство для общества. Более того, как считает Д-р Пол Корниш, интернет является виртуальным пространством, где анонимность гарантирована, в отличие от улицы, где люди напрямую сталкиваются друг с другом. Иными словами, интернет можно рассматривать как инструмент, позволяющий обществу анонимно излагать расистские взгляды.

Как упоминалось ранее, многие молодые мусульмане считают, что им не место в британских мечетях: кроме того, там им не разрешают обсуждать политические вопросы. Это чувство отчужденности в сочетании с политическим аспектом, обстановкой в семье и общими настроениями вынуждает людей искать альтернативное место, где они могли бы общаться с единомышленниками, которые тоже чувствуют себя отчужденными. Интернет предоставляет отличную возможность легко найти общение. Исаджиджи полагает, что интернет превратился в узел связи для отверженных людей. Исследование, проведенное веб-сайтом debatingeurope.eu, выяснило, что 32% европейцев используют интернет для того, чтобы следить за политическими новостями. Более того, 40% опрошенных в возрасте от 15 до 24 лет высказывают свою точку зрения по социальным вопросам в социальных сетях,

отражая широкий интерес к общественному участию. Если европейцы (особенно европейские мусульмане второго и третьего поколения) чувствуют себя отчужденными – из-за политических аспектов, ситуации в семье, общественных настроений, мечетей и интернета – насильственные радикальные группировки могут это использовать и направить стремление этих людей к принадлежности к группе в опасное русло. В этой связи т.н. «Исламское государство» является наиболее успешной технически-ориентированной террористической организацией в истории. Она знает, как использовать поверхностные, глубокие и социальные сети и даже приложения с зашифрованными сообщениями, такие как Telegram, для распространения пропаганды, вербовки новых членов и для подстрекательства своих сторонников к совершению террористических актов, а в отдельных случаях и для детального руководства осуществления таких актов.

Несмотря на распространенное представление в правительственных и академических кругах о том, что интернет является фактором в процессе радикализации, он должен рассматриваться как ускоритель этого процесса, а не как источник. Бывший экстремист и вербовщик, давший интервью автору этой статьи, согласен с таким выводом. Делясь со мной своим прошлым, он подчеркнул, что он и его соратники прошли процесс насильственной радикализации, просматривая записи на видеокассетах, а не при помощи интернета. Основной движущей силой их радикализации был фактор недовольства. Советское вторжение в Афганистан и ощущение жестокости по отношению к бедным и невинным жертвам в Афганистане были основными причинами, побудившими этого человека и его товарищей принять участие в конфликте. Помимо этого, как Исаджиджи, так и бывший экстремист, давший мне интервью, отстаивают свои аргументы, указывая на то, что большинство людей имеют доступ в интернете к контенту насильственного, радикального характера; тем не менее, не все из них становятся насильственными радикалами. Кроме того, насильственная радикализация представляет собой улицу с двусторонним движением, где изначально требуется активное участие человека, заинтересованного в обработке радикальными идеями. Обобщая вышесказанное, можно сказать, что интернет предоставляет легко доступную платформу, но люди должны быть уже психологически открыты и восприимчивы к насильственной радикальной идеологии.

Выводы

Чувство отчужденности, вызванное политиками, существующими правилами, семейной обстановкой, британскими мечетями и интернетом, значительно влияют на процесс радикализации людей. Эти факторы определяют выбор человека – оставаться в «своей группе» или выйти из нее и присоединиться к другой, более выраженной, «чужой группе». В случае с мусульманами

в Великобритании, существует большая вероятность того, что некоторые люди примут решение больше не принадлежать к британскому обществу и вместо этого более отчетливо ощущать себя членами мусульманской общины, как новой группы, и принять соответствующие более религиозные модели отношений и поведения. Например, политики и существующие правила могут поверхностно относиться к национальной принадлежности человека. Следовательно, более выраженное религиозное поведение – хиджабы у женщин или бороды у мужчин как ответ на проявление расизма – еще больше

Мусульманин во время пятничного служения в мечети Баитул Фатух в районе Морден, в южной части Лондона. Молодым британцам-мусульманам трудно установить отношения с традиционными мечетями. РЕЙТЕР

отдаляет британских мусульман от остального общества. В свою очередь, это в конечном итоге может привести к установлению некоего параллельного общества, в котором люди пытаются повышать и поддерживать свою социальную самобытность и самоуважение путем исповедования фундаментальных религиозных взглядов.

Тем не менее, насильственный радикализм не отождествляется с религиозным фундаментализмом; это, скорее, принадлежность к «неправильной» группе. Это помогает объяснить, почему лишь немногие проходят процесс насильственной радикализации, в то время как остальные прошли процесс ненасильственной радикализации – насильственная радикализация или просто радикализация зависят от решения человека, к какой именно группе он хочет принадлежать. Когда человек считает, что он принадлежит к конкретной группе, то он добровольно принимает ее общие подходы, модели поведения и ценности – группа сама определяет свою насильственную или ненасильственную ориентацию. В конечном итоге, каждый человек сам решает, оставаться ли ему в группе и принять ее ценности или же выйти и присоединиться к другой группе, которую он считает более подходящей для своего самоуважения и социальной самобытности. □

А как насчет

ЖЕНЩИН

Важность гендерной политики в противодействии насильственному экстремизму

Джули Аростегуи ЛеМастер, доктор юридических наук

Права человека, равенство полов и расширение возможностей для женщин часто считаются второстепенными вопросами, которыми надо заниматься после того, как государство или регион обеспечат свою безопасность. Однако, все больше и больше признается тот факт, что эти вопросы, на самом деле, являются важными составляющими безопасности, и что длительный мир и безопасность не могут быть достигнуты без решения вопроса о дискриминации женщин.

Хотя многие государства, похоже, имеют врожденный инстинкт бороться с экстремизмом, применяя жесткие насильственные меры, этим они будут только способствовать появлению групп воинствующих экстремистов, если они не смогут понять корневые причины радикализации. Ответные действия с использованием военных средств могут порождать поддержку этих движений, а конфликт и нестабильность создают вакуум власти, в котором экстремистским группировкам легче функционировать. Насильственный экстремизм процветает там, где права человека нарушаются и где неравенство полов доминирует. Это представляет собой в крайней степени гендерно-дифференцированное явление, которое требует более детального рассмотрения и целенаправленного понимания и усилий.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РАМКИ

Резолюция Совета Безопасности ООН №1325, принятая в 2000 г., а также сопутствующие резолюции, такие как Резолюция №1820 (2008 г.), Резолюция №1888 (2009 г.), Резолюция №1889 (2009 г.), Резолюция №1960 (2010 г.), Резолюция №2016 (2013 г.), Резолюция №2122 (2013 г.) и Резолюция №2242 (2016 г.) все вместе известны как

юридические рамки по вопросам женщин, мира и безопасности. Эти резолюции представляют собой международно-признанный юридический механизм для обеспечения равенства полов, мира и безопасности. Они обеспечивают участие женщин на всех уровнях принятия решений, защищают женщин и девочек от сексуального и основанного на половой принадлежности насилия, совершенствуют стратегии по предотвращению насилия против женщин и интегрируют гендерную политику во все процессы. Они подчеркивают необходимость в более эффективных ответах на проблемы в секторе безопасности, связанные с современными конфликтами, а также затрагивают все процессы сохранения мира и безопасности, включая мирные переговоры, операции по поддержанию мира, политическое участие, ответные меры на сексуальное насилие в ходе вооруженных конфликтов, юридическую и законодательную реформу, также реформу сектора безопасности. Первоначальные шаги в сфере безопасности включают разработку национальной и региональной политики безопасности и планов действия, участие женщин в процессе реформирования сектора безопасности, оборонной реформе, реформе органов полиции, в создании юридических норм переходного периода и в миротворческих операциях.

Резолюция Совета Безопасности ООН №1325 призывает все стороны конфликта уважать положения международного права, имеющие отношение к правам и защите женщин и девочек. В резолюцию включены юридически обязывающие международные законы, такие как: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации против женщин, Женевские конвенции, Конвенция о правах ребенка, Римский статут Международного уголовного суда

(который считает преступлением сексуальное насилие во время конфликта), Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее. Резолюция также особо отмечает Пекинскую декларацию и Платформу действий, план действий по созданию равенства полов и создания возможностей для женщин с целью устранения препятствий для участия женщин в общественной и частной жизни путем полного и равного участия в принятии решений по экономическим, социальным, культурным и политическим вопросам. Помимо ООН, региональные организации в Африке, Европе, Азии и Северной и Южной Америки утвердили договоры, законы, правила и планы действий, поддерживающие женщин, мир и безопасность.

Будучи одновременно созидателями мира и матерями, женщины играют очень важную роль в противодействии насильственному экстремизму (ПНЭ). В то время как международные правовые рамки по вопросам женщин, мира и безопасности давно уже признают роль женщин в усилиях по обеспечению международного мира и безопасности, политические деятели и международные организации, занимающиеся ПНЭ, еще мало уделяют внимания женскому фактору. Тем не менее, в 2015 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию №2242, которая признает эту роль и призывает все стороны интегрировать женщин и гендерный фактор в целом в ПНЭ и антитеррористические мероприятия.

ГЕНДЕРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Гендерная спецификация относится к различным нуждам, опыту и статусу женщин и мужчин, мальчиков и девочек на основе социального строения их ролей, личностных характеристик и поведения, а также на основе соотношения уровня власти между мужчинами и женщинами. Использование гендерных перспектив означает выявление различных небезопасных ситуаций, с которыми сталкиваются мужчины, женщины, девочки и мальчики, а

также, каким образом отношения между полами и неравенство в распределении власти еще больше усугубляют эти небезопасные ситуации, а также в случае с ПНЭ – экстремизм. Такое понимание взаимоотношения полов приведет к разработке более грамотной политики и к лучшим результатам. Использование гендерных перспектив также позволяет взглянуть через общественно-культурный микроскоп на соотношения в распределении власти, включая такие факторы как раса, принадлежность к общественному классу, бедность, этническая принадлеж-

ность и возраст. Это поможет разработать специфические по содержанию и раскрывающие соответствующее социальные и культурные моменты ответы на действия экстремистов, поскольку гендерные перспективы рассматривают различия в опыте, нуждах и приоритетах мужчин и женщин.

Насильственный экстремизм обычно эксплуатирует устойчивые стереотипы, относящиеся к гендерному вопросу. Например, мужчин и мальчиков вербуют в качестве боевиков, они становятся мишенями и жертвами на линии фронта, в то время как женщины и девочки набираются обычно для выполнения роли «закулисной» поддержки или как объекты сексуального насилия. Пропаганда,

информационные потоки, социальные сети и коммуникации производят материалы специально для каждого пола. Понимание, почему мужчины и женщины становятся жертвами радикализации и присоединяются к экстремистским группировкам, чрезвычайно важно для выработки эффективных ответных мер.

Кроме того, отслеживание гендерной динамики в политике и программах ПНЭ становится все более важным по мере того, как все больше женщин становятся жертвами радикализации. Нынешние программы ПНЭ рассматривают женщин как лишенных всяких возможностей и традиционно мирных, и распространение таких стереотипов имеет отрицательный эффект. Вопросы пола не отражены в программах ПНЭ, поскольку считается, что экстремисты в первую очередь вербуют мужчин. Роль женщин в насильственном экстремизме и основополагающие факторы, определяющие эту роль, должны быть досконально изучены и отражены в политике и практике. У женщин есть потенциал как прямо, так и косвенно противостоять радикализации. Для того, чтобы быть более эффективными, программы в сфере ПНЭ должны

AFP/GETTY IMAGES

рассмотреть те многочисленные роли, которые играют женщины, и принять всеобъемлющий подход при рассмотрении движущих сил насильственного экстремизма и возможных путей решения проблемы.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ЭКСТРЕМИЗМА

Одной из движущих сил радикализации и экстремизма является отсутствие человеческой безопасности. Фактор человеческой безопасности расширяет масштаб анализа безопасности и соответствующей политики от безопасности территории до безопасности людей. Сегодня угрозы человеческой безопасности носят глобальный характер. Терроризм, насильственный экстремизм, ядерное распространение, насилие на основе половой принадлежности, торговля людьми, бедность, наркотики, ВИЧ/СПИД и другие опасные для здоровья эпидемии, природные катастрофы и вынужденное переселение людей не признают национальных границ. Они оказывают негативное влияние на весь мир. Для большинства людей сегодня опасение попасть в небезопасную ситуацию в основном связаны с повседневной жизнью. Стабильная работа, стабильный доход, хорошее здоровье, здоровая окружающая среда и отсутствие преступности – вот основные компоненты человеческой безопасности во всех странах мира. И это отсутствие личной безопасности является важным элементом явления насильственного экстремизма. Экстремистские группировки хорошо отработали методы вербовки и выбирают своими мишенями людей, которые чувствуют себя забытыми и выброшенными из общества, у которых нет экономических возможностей и надежды на лучшее. Вербовщики искажают религиозные постулаты, играют на религиозных и этнических разногласиях и предлагают деньги, еду, пристанище, сотовые телефоны, защиту, женщин и почет после смерти.

Многие из движущих сил радикализации одинаковы для мужчин и женщин. Экстремистские группировки могут обеспечить кратковременные улучшения безопасности граждан, такие как клиники, школы, продовольствие и деньги. Во многих странах Африки и Ближнего Востока радикальные исламистские движения успешно заполняли пустоту, оставленную коррумпированными и неспособными правительствами. Зачастую они лучше организованы и имеют больше финансовых ресурсов, чем правительства. В обстановке нескончаемых социально-экономических проблем, коррупции и безграмотного управления они предлагают моральные ценности, экономическую поддержку и услуги, а также чувство принадлежности к общине, что особенно важно для обездоленной молодежи. Они используют программы местного экономического и социального развития, такие как строительство мечетей, школ, поликлиник, аптек и культурных центров для завоевания доверия у местного населения, а затем начинают процесс радикализации и вербовки.

Экстремистские группировки, такие как ИГИЛ, повсюду используют социальные сети и международные медиа-ресурсы для вербовки уязвимых людей в странах Запада. Многие мусульмане, как мужчины, так и женщины,

испытывают чувство социальной или культурной изоляции и недостаток самобытности в окружающей их западной культуре. Это ощущение изоляции делает их уязвимыми перед лицом радикальной пропаганды. Женщины-мусульманки, которые в условиях западной культуры носят хиджаб или никаб, часто подвергаются дополнительным преследованиям и дискриминации. Многие молодые мусульмане считают, что мусульманские общины подвергаются преследованиям по всему миру, и что международное сообщество не в состоянии защитить их. Те, кто проходят процесс радикализации, особенно женщины, сочувствуют мусульманам-жертвам насилия. Это обстоятельство, например, используется при вербовке граждан западных стран для участия в боевых действиях в Сирии на стороне ИГИЛ – их заманивают кадрами зверств, чинимых силами сирийского президента Башара Асада и аргументом о том, что международное сообщество в это не вмешивается. Женщин и мужчин также привлекают в экстремистские группировки обещаниями обеспечить место в раю, увлекательными рассказами о создании утопического общества или спекуляциями на чувстве принадлежности к братству или сестричеству, еще живя на земле.

Хотя трудно понять, почему женщины присоединяются к движению, основанному на жесткой идеологии, которая унижает их достоинство, но они часто приходят к мысли, что такое членство дает им более широкие возможности. Например, несмотря на то, что к ним применяют строгое и основанное на половом признаке толкование шариата, западные женщины, присоединившиеся к ИГИЛ, выступают в очень важной роли необходимых элементов государственного строительства – жен, матерей, учителей, медсестер и активных вербовщиков новых членов. И хотя их обязанности в основном связаны с домашним хозяйством, они прославляют насилие, необходимое для поддержания существующего порядка вещей и вербовки новых мужчин и женщин для их движения.

Просвещение мирового сообщества по вопросу важности человеческой безопасности приведет к лучшему пониманию первопричин, порождающих радикализацию и конфликты, а также к признанию того, что участие женщин в программах ПНЭ чрезвычайно важно. И хотя женщины должны быть и в правительстве, и в армии, в службах безопасности и в оборонном секторе, основное внимание должно сосредоточиться на человеческой безопасности.

ЖЕНЩИНЫ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ

Чем женщины занимаются и как к ним относятся – вот главные показатели стабильности в любой общине. Неравенство полов, возросшее насилие по половому признаку, и ограничение прав женщин часто являются сигналами, предупреждающими о надвигающемся конфликте. По мере приближения насилия они меняют свое ежедневное расписание, чтобы избежать опасности. Например, они идут на базар рано утром, чтобы вернуться домой до того, как произойдет вспышка насилия. По мере того как ситуация в общине становится все менее

стабильной, женщины не отправляют детей в школу, а оставляют их дома. Женщины часто обладают ценной информацией относительно того, что происходит в их общинах. Во многих случаях им известно об имеющей место вербовке, местах нахождения вооруженных группировок, их перемещениях и складах оружия и снаряжения.

Во многих местах женщинам удается засечь ранние признаки процесса радикализации, поскольку их права и физическая неприкосновенность часто становятся мишенями фундаменталистов. Подавление женщин является главной характеристикой всех экстремистских движений. Используя строгие интерпретации религиозного закона, экстремистские группировки стремятся ограничить законные права женщин и их участие в гражданской и политической жизни. Это часто означает поворот к строго консервативным взглядам, угрожая стабильности по мере того, как набирают обороты стычки и конфликты с обществом, ведущим более светскую жизнь. Например, в Пакистане рост количества убийств чести, ограничения на появление женщин на базарах и в магазинах, запрещение образования для девочек, введенные экстремистскими группировками, ограничили права женщин и девочек в общественных местах и стали свидетельством усиления власти экстремистов.

Женщины также попадают в серьезные небезопасные ситуации личного характера, когда они становятся жертвами оскорблений, нападений и сексуального насилия. Работающие женщины могут подвергаться таким изощренным издевательствам на улице, что они перестают выходить из дома. Женщины, участвующие в политической жизни, становятся жертвами угроз и убийств. Принудительные браки и сексуальное насилие используются для того, чтобы вселить в женщин чувство страха и контроля со стороны общества и служат ранними сигналами, предупреждающими о надвигающемся конфликте.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ

На протяжении всей истории женщины были влиятельными созидателями мира, они преодолевали этнические, религиозные и иные разногласия и строили мосты и разрешали конфликты. Свидетельства, относящиеся к женщинам, миру и безопасности, демонстрируют, что женщины предотвращают насилие и обеспечивают безопасность, снижают уровень экстремизма, укрепляют миротворчество, способствуют диалогу и установлению доверия, перебрасывают мосты через разделительные линии и мобилизуют коалиции, поднимают жизненно важные для сохранения мира вопросы, делают приоритетом равенство полов, устраивают более мирные общества, применяя инклюзивный подход, расширяют общественное участие, ломают ловушки, расставленные для инициирования конфликта, и снижают шансы скатиться обратно к состоянию войны.

Из-за той роли, которую они играют в семьях и общинах, женщины имеют мощные рычаги в предотвращении конфликтов и в участии в разработке программ по снижению последствий конфликтов и насильственного

экстремизма. Они оказывают влияние на семейные и социальные нормы и способствуют проявлению терпимости и налаживанию сотрудничества в политической и гражданской сфере. Новаторские исследования показывают, что матери играют чрезвычайно важную роль в понимании того, почему их сыновья или дочери поддались радикализации. И когда наступают трудные времена, они первыми проявляют жизнестойкость как в семье, так и в своей общине. Кроме того, экстремистские группировки часто стараются сделать так, чтобы матери поддержали идеологический выбор своих сыновей и их желание присоединиться к этим группировкам. Оказание поддержки матерям и женам повстанцев поможет вырвать их из темноты депрессии и вернуть к нормальной жизни в обществе. Организация «Женщины без границ» начала пилотный проект создания специальных школ для матерей в Индонезии, Кашмире, Нигерии, Пакистане, Таджикистане и Занзибаре. Эти школы стараются дать матерям навыки, необходимые для противостояния экстремизму и создания механизма противодействия радикализму, который бы начинался с семьи и затем распространялся на всю общину. Эти навыки включают приобретение уверенности в себе и самоуважения, расширение знаний относительно динамики отношений между родителями и детьми, а также специальный курс на предмет противостояния радикализации.

Женщины также могут занимать важные должности на уровне общины, что помогает в противодействии насильственному экстремизму. В Афганистане женщины как никогда раньше вовлечены в процесс принятия решений на уровне своих деревень и районов. Они являются членами советов общественного развития, общинных и провинциальных советов, также существуют женские советы на уровне деревни и района. Возглавляемые женщинами советы развития общины является механизмом разрешения конфликтов для женщин, проживающих в сельских районах, помогая им урегулировать семейные неурядицы. Это является важным обстоятельством, поскольку неурегулированные конфликтные ситуации часто приводят к эскалации конфликта и насильственному экстремизму.

Женщины также могут играть важную роль лидеров гражданского общества. Развитие социально-экономических условий для женщин и предоставление им больше политических возможностей являются необходимыми условиями для создания атмосферы противостояния насильственному экстремизму. Общественные гражданские организации играют ключевую роль в пропаганде, продвижении и защите прав женщин, в обеспечении их свободного доступа к образованию и медицинскому обслуживанию и в улучшении качества их жизни и участия в политической жизни.

По всему миру женщины мобилизуют усилия для борьбы с экстремизмом. Женские организации напрямую работают с общинами, рассказывают о религиозной терпимости и правах человека и выступают в защиту равенства полов.

Женщины, работающие в службах безопасности и правоохранительных органах, также играют важную роль в ПНЭ. В Нигерии выдвижение женщин на первый план и возросшая роль женщин в ПНЭ привели к фундаментальным изменениям в наборе добровольцев в Объединенную гражданскую рабочую группу (ОГРГ). Женщин нанимают для проведения личных досмотров других женщин и девочек, а также для обеспечения порядка в местах сбора женщин, в которые в мусульманском обществе мужчины не допускаются. Они также работают рядом с мужчинами на пропускных пунктах и решают все вопросы, связанные с женщинами и девушками. Участие женщин в ОГРГ стало еще более актуальным после того, как террористические группировки приняли стратегию, позволяющую привлекать женщин к проведению операций. Женщины играют большую роль в вооруженных силах Нигерии, они также включены в полицейские силы Нигерии в составе антитеррористической группы.

Интеграция женщин в сектор безопасности, особенно в правоохранительные органы, может в целом повысить эффективность этих подразделений. Во многих общинах существует отсутствие доверия и негативное отношение к правоохранительным органам. В составе местных подразделений ПНЭ важно иметь сотрудников-женщин, поскольку они скорее решат ситуации с нарушением прав человека, применением чрезмерной силы в семейных отношениях, снимут напряжение и будут способствовать созданию доверия.

Важно давать женщинам больше возможности участвовать в процессах установления мира и безопасности и укреплять их роль в семье и в общине, обучая их распознаванию признаков радикализации и моделям поведения в таких случаях. Необходимо включать женщин в дискуссии на уровне общины и выше на тему радикализации и насильственного экстремизма, чтобы лучше понимать, почему люди – и особенно молодежь – поддаются радикализации.

СТОРОННИКИ И ПРЕСТУПНИКИ

Говоря о том, что женщины первыми становятся жертвами экстремизма и поэтому первыми хотят предотвратить его, некоторые утверждают, что мы упускаем роль женщин в организации и поддержке насилия. Важно также рассмотреть проявление экстремизма со стороны женщин, поскольку некоторые из них предпочли пройти процесс радикализации. Одни женщины решают присоединиться к радикальным группировкам по идеологическим мотивам. Другие присоединяются к экстремистским или вооруженным группировкам для того, чтобы вырваться из патриархального окружения и получить больше возможностей для самореализации. Экстремистские и террористические группировки используют неравенство полов, завлекая женщин обещаниями более широких возможностей. В насильственном экстремизме традиционно присутствует разделение по половому признаку в том, что касается структур власти, мишеней, которые они выбирают, и используемой пропаганды.

С 60-х гг. все большее количество женщин вступает в террористические группировки. В 70-х и 80-х гг. многие женщины были заметными фигурами в террористических организациях Латинской Америки и Европы. В последние годы женщины составляют примерно 30-40% этно-сепаратистских группировок, занимая в них целый спектр должностей и активно участвуя в конфликтах. В освободительной борьбе в таких странах как Колумбия, Эритрея, Косово, Намибия, Никарагуа, Южная Африка и Уганда женщины занимают командные посты в партизанских отрядах.

Несмотря на их очень ограниченную роль, позволяемую законами шариата, все большее количество женщин проходит радикализацию и присоединяется к экстремистским исламским группировкам. Когда ИГИЛ объявило в 2014 г. о создании «халифата» в Ираке и Сирии, то в рамках государственного строительства объявлялся набор архитекторов, инженеров, докторов и женщин, и все они рассматривались как основные элементы в строительстве нового государства. По данным очень ограниченной статистики, открытой для общественности, до 25% присоединившихся к ИГИЛ иностранных боевиков из Западной Европы составляют женщины. В Сомали в настоящее время женщины есть в числе повстанцев группировки Аль-Шабаб, имеющей связи с Аль-Каидой. Аль-Шабаб специально вербовала женщин, используя пропагандистскую тактику, такую как гуманитарная помощь, дискуссии в социальных сетях и оказание поддержки. Женщинам – боевикам и террористкам-смертницам в любой стране отдается предпочтение, поскольку под одеждами им легко скрыть оружие и взрывчатку.

Женщины также играют существенную логистическую роль в экстремистских движениях, поддерживая повстанцев участием в такой экономической деятельности как промывание алмазов, контрабанда наркотиков, работа на фермах и торговля продуктами. В составе вооруженных группировок женщины и девочки выполняют большинство домашней работы, такой как готовка и стирка одежды, а также исполняют роль жен или секс-рабынь для боевиков.

Точно также как матери могут играть ключевую роль в предотвращении радикализации членов семьи, с таким же успехом они могут и способствовать радикализации. Экстремистская пропаганда зачастую нацелена именно на женщин, призывая их растить детей в духе служения определенной цели или призывая их выйти замуж за экстремиста-моджахеда.

Выступают ли они в качестве мирных граждан или участвуют в насильственных действиях – женщины играют важную роль и должны быть включены в ПНЭ и в борьбу с терроризмом.

ПОЛИТИКА И ПРОГРАММЫ

Нынешняя политика и программы в сфере ПНЭ недостаточно эффективны, поскольку все внимание сосредотачивают в основном на мужчинах и исключают женщин,

как на этапе планирования, так и на этапе реализации. Инклюзивный подход сейчас важен как никогда, особенно, когда многие женщины и девочки становятся жертвами экстремистского насилия со стороны мужчин, а другие присоединились к экстремистским группировкам. Необходимо понять динамику этих событий, для выработки эффективных ответных действий. Необходимо провести дополнительные исследования специфической роли женщин в предотвращении и противостоянии насильственному экстремизму, в негативном влиянии на женщин, как насильственного экстремизма, так и анти-террористической политики; и в отсутствии технических возможностей и логистической поддержки женщин при составлении программ ПНЭ.

Резолюция Совета Безопасности ООН №2232 содержит призыв к международному сообществу прилагать больше усилий для интеграции женщин и связанных с ними вопросов мира и безопасности в антитеррористическую деятельность (АТ) и политику ПНЭ. Специалисты в сфере АТ/ПНЭ должны признать, что гендерный вопрос не является каким-то побочным фактором; он становится центральным фактором в рассмотрении явления терроризма по мере того, как все большее количество женщин присоединяется к террористическим и насильственным экстремистским группировкам. Необходимо лучше понимать, как и почему женщины и девочки соглашаются на радикализацию, как на них выходят экстремистские группировки, какими способами их вербуют, и как экстремистские группировки вербуют мужчин и мальчиков, используя пропаганду, специально разработанную для представителей мужского пола.

Особое внимание следует уделять тому влиянию, которое политика АТ/ПНЭ оказывает на гражданское общество, и особенно на женские группы. После террористических нападений 11 сентября 2001 г. в США международное сообщество сделало своим приоритетом борьбу с финансированием терроризма путем введения соответствующих положений в национальное законодательство, расширения законодательных полномочий накладывать санкции на физических и юридических лиц, введения обязательных антитеррористических положений в соглашения о донорском финансировании и партнерстве, и новой системы отчетности для финансовых институтов. Во многих ситуациях прямо или косвенно жертвами эти правил борьбы с финансированием терроризма становится гражданское общество, которое теряет необходимый доступ к финансовым ресурсам и банковским учреждениям. Женские организации, которые уже и так уязвимы и в большинстве своем новые и зависящие от иностранного финансирования, довольно часто страдают от этой практики.

Профессионалы в области АТ/ПНЭ должны удвоить усилия, направленные на предотвращение радикализации и вербовки женщин и девочек, а это означает большее внимания особым социальным, экономическим

и политическим условиям проживания женщин и девочек, которые могут легко воспринять радикальную идеологию. В таких странах, как Бангладеш и Марокко подход к составлению программ ПНЭ отдельно для мужчин и для женщин вносит свой вклад в общее снижение поддержки насильственного экстремизма. Подход правительства Бангладеш, основанный на разделении полов, включает предоставление более широких возможностей для женщин с тем, чтобы сократить движущие силы экстремизма. Правительство определило бедность и недостаточные экономические возможности как один из главных источников радикализации в стране. Правительство сосредоточило свои программы более широких возможностей для женщин на предоставлении им небольших займов, на обеспечении им начального школьного образования и предоставлении работ на текстильных фабриках страны. Женщины также напрямую вовлечены в составление программ ПНЭ, за которые отвечает посольство США совместно с правительством Бангладеш.

Марокканская стратегия ПНЭ особо нацелена на вовлечение женщин, признавая, что эффективность программ ПНЭ зависит от интеграции женщин, исходя из их роли в марокканских семьях и общинах. После смертоносных террористических нападений в Касабланке в 2003 г. король Марокко пересмотрел Моудавана (семейный кодекс) и предоставил женщинам больше социальных и экономических возможностей. Вторая инициатива сосредоточена на государственной программе, которая предоставляет женщинам больше возможностей в религиозной и политической сфере, и которая предусматривает выдачу женщинам сертификатов имамов и ставит перед ними задачу способствовать религиозной умеренности и терпимости и таким образом бороться с радикализацией.

Политика и программы ПНЭ должны финансировать и поддерживать усилия, которые создают технические возможности и логистическую поддержку участия женщин в таких программах. Они должны обеспечивать участие женщин в политике ПНЭ и использовать анализ конфликтов с учетом различия полов и на его основе создавать стратегии ПНЭ, в которых женщины фигурируют как отдельная категория. Программы и политика ПНЭ должны обратить внимание на глубинные социальные и экономические причины, вызывающие насильственный экстремизм, и в ответ дать больше возможностей как мужчинам, так и женщинам.

В общих усилиях по ПНЭ и АТ на женщин по-прежнему обращают недостаточно внимания, и их участие в этих усилиях очень ограничено. Важно подчеркнуть их роль и увеличить их представительство. Образованные, процветающие, безопасные и жизнестойкие общины с большими возможностями являются наилучшим долгосрочным сдерживающим фактором против экстремизма, и предоставление более широких возможностей женщинам чрезвычайно важно для строительства таких общин. □

ФАКТОР ИНОСТРАННЫХ БОЕВИКОВ

Как террористические группировки оказывают влияние на Северном Кавказе

ДАРЬЯ НИКОЛСОН

Российские военные патрулируют район Старого города в Алеппо, Сирия. Январь 2017 г. Россия является союзником режима сирийского лидера Башара Асада. РЕЙТЕР

« НАМ СТЫДНО ЗА ТО, ЧТО МЫ ЕДЕМ В СИРИЮ В ТО ВРЕМЯ, КОГДА КАВКАЗ ВСЕ ЕЩЕ ОККУПИРОВАН, НО МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ СЮДА ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ. »

– источник Би-Би-Си, близкий к чеченским боевикам

В сентябре 2014 г. Совет безопасности ООН единогласно одобрил Резолюцию №2178 относительно «серьезной и всё возрастающей» угрозы со стороны иностранных боевиков-террористов (ИБТ). Им дается следующее определение: «люди, уезжающие в государство, отличное от государства их проживания или гражданства, в целях осуществления, планирования, подготовки или участия в террористических актах или в целях проведения или получения подготовки к террористическим действиям, включая подготовку, связанную

с вооруженным конфликтом». ИБТ оказывают влияние на динамику конфликта – на неуступчивость сторон конфликта, продолжительность и интенсивность конфликта; более того, они представляют угрозу «государствам, гражданами которых они являются, транзитным странам и странам конечного назначения, а также зонам, соседствующим с районом конфликта, где действуют эти боевики», – указывается в резолюции.

С момента начала гражданской войны в Сирии и особенно после провозглашения «Исламским государством (ИГ)» т.н. «халифата» в июне 2014 г. тысячи

вдохновенных боевиков из различных регионов мира уехали в Ирак и в Сирию, чтобы присоединиться к ИГ или другим насильственным экстремистским группировкам. Об этом сообщает статья «Иностранные боевики-террористы – тенденции и динамика», автором которой является организация «Глобальная коалиция». В декабре 2015 г. организация Soufan Group указала, что количество иностранных боевиков из более чем 100 стран в Сирии достигло примерно 30 тыс. В том году больше всего ИБТ было из трех стран – Туниса (6 тыс.), Саудовской Аравии (2,5 тыс.) и России (2,3 тыс.), в то время как общее количество боевиков из всех бывших советских республик насчитывало примерно 4,7 тыс. человек. В октябре 2015 г. российский президент Владимир Путин заявил, что от 5 тыс. до 7 тыс. боевиков из России и других республик бывшего Советского Союза уехали в Сирию, чтобы присоединиться к ИГ. Большинство этих боевиков было с Северного Кавказа (Чечня и Дагестан), другие же были из Азербайджана и Грузии, а также из Средней Азии – Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Всех их объединяло не только знание русского языка, но также и недовольство, оставшееся после советского вторжения в Афганистан и постсоветских конфликтов. Феномен ИБТ с Северного Кавказа затрагивает сферу безопасности на Северном Кавказе, в Российской Федерации и во всем мире.

Сегодня количество ИБТ в Сирии и Ираке снизилось из-за поражений в боевых действиях и уменьшения притока иностранных боевиков в зону конфликта. По данным Интерпола, в 2016 г. в регионе было примерно 15 тыс. ИБТ. Помимо прочих факторов, в качестве причин снижения количества ИБТ называют более строгий контроль, введенный государствами-членами ООН, военное давление и снижение финансовых возможностей ИГ. Потеря территорий и доходов привела к большому количеству случаев дезертирства, к трудностям в вербовке и к росту внутренней коррупции и краж. У ИБТ низкий боевой дух, о чем говорит Пол Вуд в своей статье в журнале «The Spectator» в январе 2016 г. Многие из боевиков «пакуются и готовятся дезертировать». На снижение числа ИБТ влияет не только ограниченный приток боевиков, но и обратный процесс – отток боевиков домой или в третьи страны. Предполагается, что к декабрю 2016 г. примерно 30% европейских ИБТ вернулись в свои родные страны, как указывает Тания Мехра в своем исследовании для Международного центра по борьбе с терроризмом, опубликованном в декабре 2016 г.

Таким образом, относительно высокое число ИБТ с Северного Кавказа, участвующих в конфликте, вызывает озабоченность. Вернутся ли эти ИБТ домой с мирными целями или со злыми намерениями? Останутся ли они в зоне конфликта и, возможно, присоединятся к какой-то другой террористической организации, учитывая возросшее давление на ИГ, или они переедут в третью страну, где будут участвовать в другом конфликте? Специалисты

по вопросам терроризма Колин Кларк и Амарнат Амариасингхам рассматривают несколько вариантов в своей статье, опубликованной в марте 2017 г. в журнале «The Atlantic»: наиболее стойкие и закаленные в боях ИБТ «Исламского государства» могут остаться в Сирии и Ираке или могут присоединиться к сопротивлению в подполье «ИГИЛ-2.0», которое может со временем перерасти в тайную террористическую организацию. Другие могут отойти от своей клятвы на верность этой организации и со временем начать искать сближения с Аль-Каидой.

Чеченские беженцы в Турции протестуют против политики российского президента Владимира Путина во время его визита в Стамбул в 2014 г. На плакате написано: «Россия, убирайся с Кавказа!». AFP/GETTY IMAGES

Остальные же ИБТ, которым закрыт въезд в свои родные страны – независимые или «свободные агенты» – могут образовать «когорту джихадистов без государства» и уехать в третьи страны. И наконец ИБТ, возвращающиеся в свои родные страны, могут принадлежать к категориям «разочаровавшихся», «в пассивном статусе, но не разочаровавшихся» и «в активном оперативном статусе».

ИБТ с Северного Кавказа представляют собой непримиримую оппозицию сирийскому правительству. Большинство из них находятся в рядах ИГ, некоторые являются членами аль-Нусра, остальные же примкнули к другим многочисленным группировкам. У многих ИБТ с Северного Кавказа уже имеется предыдущий боевой опыт – возможно, в Афганистане, Грузии, Чечне или Дагестане – и у них репутация яростных бойцов. На самом деле, чеченские боевики (и боевики с Северного Кавказа в целом) считаются элитными бойцами, достойными уважения, как указывает Джоэнна Парашук в своем блоге «От Чечни до Сирии».

Учитывая огромное количество вовлеченных людей, а также историю конфликта в регионе, ИБТ с Северного Кавказа, скорее всего, будут представлять долгосрочную угрозу безопасности. Также важно изучить их мотивы участия в войне, группировки и организации, на стороне которых они воюют, степень влияния, которую на них оказывает про-джихадистская пропаганда, а также

Чеченский лидер Рамзан Кадыров присутствует на ежегодном праздновании российского праздника Дня защитника Отечества 12 декабря 2016 г. в Грозном. Большое количество чеченцев, прошедших процесс радикализации, воюют на стороне «Исламского государства».

АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

дополнительные характеристики, такие как предыдущий боевой опыт и связи с другими террористическими организациями.

МОТИВЫ УЧАСТИЯ В ВОЙНЕ В СИРИИ

Мотивы у ИБТ с Северного Кавказа различные, также, как и у боевиков, приехавших из других регионов мира. Однако, в качестве важной мотивации именно для этой группы боевиков, как отмечает Игорь Шлапентох в своей статье в «Middle East Insights» в феврале 2015 г., выступает тот факт, что Сирия предоставляет альтернативное поле боя для борьбы с российским государством. Конфликт на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, имеет долгую историю и вращается вокруг вопроса о предоставлении независимости от России. Следы этой борьбы можно найти в России имперского периода, а современная история знает две кровавых российско-чеченских войны, а также нестабильность в регионе. Затянувшееся состояние конфликта (как и официальные попытки его нормализовать) привели к серьезным социальным проблемам и оставили после себя огромный след недовольства. Именно это и является подпиткой сопротивления на Северном Кавказе – для боевиков и экстремистов. Тем не менее, способность повстанцев продолжать боевые действия стала чрезвычайно ограниченной. В Чечне это произошло благодаря прокремлевскому правительству во главе с бывшим повстанцем Рамзаном Кадыровым. Невозможность продолжать войну на Северном Кавказе в сочетании с московской поддержкой режима Асада служит побудительным фактором для присоединения к войне в Сирии.

Религиозные соображения также являются мощным мотивационным фактором, как пишет в 2014 г. Эмиль Сулейманов в своем исследовании для издания «Middle East Journal». Также, как и во время чечено-дагестанского-ингушского сопротивления, когда религия была главным фактором, привлекавших в Чечню иностранных боевиков, религия используется в качестве объединяющей силы выходцами с Северного Кавказа, воюющими в Сирии. Как считает Шлапентох, многие молодые люди

присоединились к сирийскому джихаду, поскольку они рассматривали режим Асада, принадлежащий к алавитскому направлению (неортодоксальная секта шиитского ислама) не как истинное мусульманское правление, а также потому, что сирийский режим считался ключевым союзником России на Ближнем Востоке. Сулейманов идет еще дальше, объясняя, что это не только возможность для джихада, но также и обязанность каждого русского-ворящего мусульманина присоединиться к своим угнетаемым братьям в Сирии. Большинство ИБТ с Северного Кавказа являются салафитами. Другие выражают солидарность с суннитами в ответ на пропагандистские материалы, изображающие мусульман-суннитов жертвами ранений, пыток и убийств со стороны «неверного» режима алавитов. Таким образом, поле боя в Сирии представляет ИБТ с Северного Кавказа возможность воевать против российского правительства и его интересов, а также против врагов ислама во всем мире.

Более того, участвуя в гражданской войне в Сирии, неопытные ИБТ приобретают боевой опыт и устанавливают связи, которые позволяют им принимать участие в подрывной или террористической деятельности после возвращения домой. Кроме того, участие в конфликте может предложить им возможность перестройки своего самосознания, когда они покидают обстановку бедности и безработицы и вступают в ряды «братьев по оружию», чтобы бороться за «благородную» цель.

Поток боевиков с Северного Кавказа можно разделить на две волны, пишет Жан-Франсуа Рателл в 2016 г. в своем исследовании для «Caucasus Survey». Первая волна боевиков прибыла в Сирию в 2011-2013 гг., поскольку они не могли бороться дома, а вторая волна прибыла в 2014-2017 гг., поскольку эти боевики открыто решили не воевать на Северном Кавказе, а «присоединиться к международному джихадистскому фронту». Конкуренция между Imarat Kavkaz (Кавказский эмират, или КЭ) и ИГ в какой-то степени определило рассредоточение северокавказских ИБТ по линиям фронта. Медленное сокращение численности КЭ высвободило

место для ИГ на Северном Кавказе, что также в определенной степени может объяснить эту динамику.

В записи в своем блоге «От Чечни до Сирии» в июле 2016 г. Парашук указывает, что первая группа северокавказцев (примерно 15-17 человек) стала вести активные действия в Сирии где-то в 2012 г. На протяжении всего конфликта количество боевиков из Северного Кавказа, а также из других частей России и стран бывшего Советского Союза возросло до 5-7 тыс. Мы уже обсудили, почему они воевали, но за какие именно группировки они воевали? Обычно боевиков можно классифицировать как воюющих на стороне ИГ или на стороне аль-Нусра (т.е. Аль-Каиды). Однако, динамика здесь сложная; на протяжении конфликта отдельные группировки вступали в союзные отношения то с одними, то с другими в зависимости от динамики отношений между этими группировками, событий внутри КЭ и изменяющихся отношений между ИГ и аль-Нусра, хотя большинство северокавказских боевиков воевали на стороне ИГ, поддавшись на очень эффективную пропаганду.

ВЛИЯНИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ

Помимо прочих причин, количество ИБТ, отправляющихся в Сирию, сократилось из-за усилившегося контроля на границах и из-за большого количества убитых и раненых среди боевиков. Боевики, приехавшие в Сирию и Ирак в начале конфликта, в большинстве своем не могут вернуться на Северный Кавказ, чтобы воевать против российского правительства. Как правило, это боевики с боевым опытом, которые хорошо известны российским властям. Эти боевики проложили путь другим, образовав «независимые» группировки, как это сделали Абдул Хаким Шишани и Муслим Шишани, группировки, относящиеся к КЭ или те, которые позднее откололись и приспособились к конкуренции между ИГ и аль-Нусра.

Независимо от того, к кому они присоединились, эти боевики могут представлять серьезную угрозу безопасности не только России, но и соседним странам и будущим зонам конфликта. Обретенное и отточенное боевое мастерство, полученное обучение, созданные сети контактов и завоеванная репутация дает дополнительные очки их «ценности как угрозы» и, следовательно, их способности вербовать новых боевиков. Более того, возможно, возникло новое опасное направление на полях сражения в Сирии с появлением «Мальхама Тактикал», частной джихадистской военной компании-контрактора, которая обеспечивает обучение и консультативную помощь на поле боя для боевиков аль-Нусра. У некоторых независимых группировок более сильная политическая программа, которая может усилить желание боевиков вернуться, что создаст еще большую угрозу для Кавказа. Влияние войны в Сирии и особенно идеологическое проникновение ИГ на Северный Кавказ представляет собой растущую угрозу, несмотря на внушительное присутствие сил безопасности в регионе.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В борьбе против повстанцев и террористов на Северном Кавказе принимают участие три основных субъекта: силовики (силы безопасности/правоохранительные органы), боевики – также известные под названием «лесные», поскольку прячутся в лесах, и переговорщики между правоохранительными органами и боевиками. Последние являются своего рода миротворцами, которые «приводят людей из леса» и проводят переговоры между полицией и боевиками. Как пишет Елена Милашина в российской «Новой газете», именно таким образом власти узнают, кто уехал из России воевать в Сирию. Более того, «их не беспокоят те, кто уехал; их беспокоят те, кто может вернуться».

Трудно найти данные официальной статистики относительно числа вернувшихся боевиков или числа террористических заговоров или нападений, совершенных боевиками, находящимися на стороне ИГ. Согласно имеющимся оценкам, 15-20% боевиков (общим количеством в 889 человек) вернулись на Северный Кавказ в 2015 г. В открытых источниках не так уж много информации об антитеррористических мероприятиях, проводимых операциях и достигнутом прогрессе. По словам Александра Бортникова, директора российской Федеральной службы безопасности, в 2015 г. было успешно пресечено 30 попыток террористических нападений, и 770 «бандитов» и их пособников были преданы суду. В 2016 г. удалось пресечь 42 нападения. Среди осужденных были обвиняемые в финансировании террористов, вербовке новых членов и выезде из страны с целью участия в боевых действиях за границей.

В соответствии с данными вебсайта «Кавказский узел», который предоставляет хронологию событий на Северном Кавказе, военные столкновения между силовиками и боевиками стали более интенсивными. В 2016 г. было отмечено 84 вооруженных столкновения, 23 взрыва, семь террористических нападений и 287 жертв. Для сравнения, в 2015 г. имело место 87 вооруженных столкновений, 11 взрывов, шесть террористических нападений и 258 жертв. Эффективность нападений боевиков также повысилась. В 2015 г. на каждые 10 убитых силовиков боевики теряли 35 своих людей. А в 2016 г. боевики во время нападений теряли уже только 17 человек на 10 убитых силовиков. Промachi силовиков и возвращение боевиков из Сирии внесли свой вклад в эскалацию напряженности в Чечне. В результате вооруженных столкновений и антитеррористических операций (АТО) в 2016 г. было убито 162 боевика (включая 22 главаря «бандитского» подполья) и четверо боевиков были ранены. Эти показатели снижались за последние три года. Так, в 2015 г. было убито 174 боевика, а в 2014 г. 249 боевиков. В начале 2017 г. 17 боевиков было убито в Чечне и восемь в Дагестане. Потери правоохранительных органов в 2016 г. составляли 97 человек (32 убиты и 65 ранены), что почти в два раза больше, чем в 2015 г. (49 человек). С 2015 г. только в Чечне было совершено по крайней мере 10 нападений на силовиков (три в 2017 г., четыре в 2016 г. и три в 2015 г.).

Нападения боевиков происходят во всех регионах Северного Кавказа – в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестане – и все чаще ответственность за них берет на себя ИГ. В августе 2016 г. ИГ обнародовало видеозапись, призывающую к джихаду в России; однако, чеченский лидер Кадыров не воспринял это всерьез, заявив, что у боевиков ИГ нет ни нужного влияния, ни возможностей. Тем не менее, еще в 2015 г. ИГ взяло на себя ответственность за первые нападения на Северном Кавказе – нападение на казармы российских военных и перестрелку в Дербенте. Некоторые из нападавших были боевиками, вернувшимися из Сирии. В 2016 г. было еще пять нападений в Дагестане и одно в Чечне, которые увязывают с ИГ, а в 2017 г. было по крайней мере четыре нападения с участием ИГ, включая нападение на пост Национальной гвардии в конце марта и два столкновения с джихадистами в Чечне. Нападение, имевшее место в марте 2017 г., может быть увязано с видеозаписью, помещенной на YouTube несколькими днями ранее «Советом военного джамаата Ичкерии». По утверждениям, на этой пленке были изображены вернувшиеся боевики, которые были членами Джаиш аль-Мухаджерин валь-Ансар (ДМА), одной из руководимой чеченцами вооруженных группировок в Сирии. Об этом сообщается на вебсайте «Дагестан», принадлежащем российскому агентству новостей РИА Новости.

Террористический акт в Санкт-Петербурге – взрыв в метро, в результате которого погибли 16 человек и ранено 102 – был первым нападением такого масштаба с 2013 г. По сообщениям, подозреваемый террорист-смертник был этническим узбеком, родившимся в Кыргызской Республике. Он получил российское гражданство в 2011 г. и жил и работал в Санкт-Петербурге. По сообщениям российской медиа-группы РБС, он был депортирован из Турции в декабре 2016 г. «Катиба аль-Имам Шамиль», связанная с Аль-Каидой группировка в Сирии, взяла на себя ответственность за это нападение, как сообщает Разведывательная группа SITE. Непосредственный исполнитель теракта, возможно, был связан с одним из лидеров КЭ в Кабардино-Балкарии, который, по данным российского Национального антитеррористического комитета, был уничтожен вместе с четырьмя другими видными фигурами во время АТО в Санкт-Петербурге в августе 2016 г.

Однако, нападения, ответственность за которые берет на себя ИГ, не обязательно были совершены боевиками, вернувшимися из Сирии и Ирака. ИГ распространило свое влияние на Северный Кавказ, и многие молодые люди под воздействием пропаганды ИГ и тяжелых условий в регионе прошли процесс радикализации и без поездки на Ближний Восток для участия в боевых действиях. Термин «боевики» не делает различия в принадлежности той или иной группировке (КЭ, ИГ или другой) и используется как синоним слова «террорист». КЭ уже почти не существует благодаря антитеррористическим операциям, проведенным в 2016 г. правительственными войсками, и ИГ встало на ее место. Как минимум одно нападение

в Чечне можно увязать с боевиками, вернувшимися из Сирии и бывшими членами ДМА, и еще одно нападение в Дагестане, которое было связано с боевиком, вернувшимся из Сирии.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

За последние три года российское законодательство в области борьбы с терроризмом и общественной безопасности было дополнено «законами Яровой». Они расширили понятия преступлений, относящихся к терроризму и включили уголовную ответственность за несообщение о преступлении, относящемся к терроризму, и за совершение актов международного терроризма. Более того, они определяют правила хранения данных для провайдеров телефонных услуг и интернета и запрещают экстремистскую деятельность. Предусматривается наказание вплоть до пожизненного заключения. Некоторые положения законов обсуждаются на предмет соответствия Конституции.

Северный Кавказ, однако, живет по несколько иным законам. Как местные власти Северного Кавказа обращаются с вернувшимися боевиками покрыто тайной. С точки зрения закона, подход региональных властей базируется на российском законодательстве по борьбе с терроризмом (на Федеральном Уголовном кодексе Российской Федерации и других антитеррористических законах), и службы безопасности регулярно проводят АТО. Особый интерес, однако, вызывает концепция коллективной ответственности и другие меры, нацеленные на общество в целом. Принцип коллективной ответственности рассматривается негативно, поскольку он предусматривает ответственность группы невинных людей, не имеющих отношения к преступлению. Этот принцип используется в Чечне с целью держать под контролем и подавлять население. При помощи этого метода – в сочетании с визитами Кадырова в различные страны Ближнего Востока и финансированием мечетей и школ – влияние чеченского правительства все больше ощущается чеченской диаспорой внутри России и за ее пределами, как сообщил в 2016 г. новостной веб-сайт «Кавказский узел». Как указывают правозащитники, чеченские беженцы никогда не забывают о том, что у них есть родственники в Чечне, на которых могут надавить с целью заставить беженцев вернуться.

Основными причинами применения коллективной ответственности являются борьба с терроризмом, противодействие экстремизму и радикализму и борьба с повстанцами. Один из законов Яровой повышает уголовную ответственность за преступления, имеющие отношение к терроризму (для преступников старше 14 лет), включая сокрытие информации о террористических действиях (совершенных или находящихся в стадии совершения). Максимальное наказание за сокрытие такой информации составляет тюремное заключение сроком на один год. И хотя этот закон не применяется к супругам и близким родственникам, они могут нести финансовую ответственность за ущерб, причиненный в результате террористического нападения. Российское уголовное право не поддерживает концепцию коллективной

ответственности. Тем не менее, российское федеральное правительство, как правило, игнорирует случаи применения коллективной ответственности в Чечне и других регионах Северного Кавказа. Кадыров говорит, что семьи боевиков, виновных в совершении преступлений, будут высланы из республики, а их дома будут снесены. По сведениям правозащитника Олега Орлова, Кадыров в настоящее время пробивает принятие закона о коллективной ответственности на федеральном уровне.

Коллективная ответственность не только является предпочтительной официальной стратегией в Чечне, но похоже, что она поддерживается и простыми гражданами (из-за страха перед властями или по другим причинам) – на различных ток-шоу сейчас можно услышать, что это является нормой, хотя еще пару лет назад это считалось варварством. В декабре 2016 г. и январе 2017 г. в ответ на нападения в Дагестане и Чечне правительственные силы провели массовые задержания и допросили родственников и друзей убитых боевиков. Родственники боевиков, участвовавших в нападении в декабре 2016 г., были уволены с работы, им отказали в выплате пенсий и социальных субсидий, как свидетельствует Мааз Билалов. После нападений на чеченских полицейских и национальных гвардейцев в январе 2017 г. некоторые родственники боевиков подверглись публичному осуждению, в отдельных случаях с использованием местного телевидения, и были вынуждены покинуть свои дома в Чечне. Об этом сообщил Казбек Чантурия в январе 2017 на веб-сайте «Open Caucasus Media».

В январе 2017 г. в чеченской столице Грозном прошел митинг протеста против ИГ и его лидера Абу Бакра аль-Багдади. В митинге участвовали примерно 2 тыс. человек, в основном простые граждане. Среди выступавших были матери боевиков, которые присоединились или планировали присоединиться к ИГ, публично просившие прощения за совершенные их сыновьями преступления. Обсуждался также вопрос об ответственности родителей; все согласились с тем, что родители должны применять более строгие методы для улучшения воспитания своих детей. Бывший боевик Саид Мажаев, сдавшийся властям после возвращения из Сирии, и первоначальный приговор которому был отменен в обмен на его согласие работать с молодежью и участие в пропагандистских мероприятиях против ИГ, рассказал об опасности, которую несет ИГ (он сам воевал на стороне ДМА). По некоторым сообщениям, ему удалось убедить несколько человек не присоединяться к ИГ, хотя в то же время его младший брат принимал участие в нападении в Грозном в декабре 2016 г. Другие общественные мероприятия, такие как городские собрания, часто проходящие после очередного нападения или вооруженного столкновения, служат платформами для обсуждения различных стратегий, таких, например, как коллективная ответственность.

Цель таких демонстраций в том, чтобы вызвать у населения страх, показывая, какие будут последствия за участие в террористической деятельности, включая последствия для родственников преступников.

Местные власти и российские спецслужбы уже использовали в прошлом коллективную ответственность в борьбе с повстанцами. Частыми стали исчезновения людей, допросы, избиения и пытки. Иногда используют родственников в качестве «живого щита», когда нужно выманить боевика из леса или заставить его перейти на сторону правительства. Хотя коллективная ответственность неэффективна в устранении первопричин, заложенных в социальных проблемах (в действительности, она еще больше усугубляет эти проблемы), чеченские власти считают эту стратегию успешной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эти подходы к борьбе с терроризмом и экстремизмом на Северном Кавказе только усугубляют уже существующую там социальную нестабильность, недовольство и несогласие с властями в регионе. Российское правительство должно разработать более мягкие подходы к борьбе с терроризмом. Годы АТО и антитеррористических стратегий – включая стратегию коллективной ответственности – привели к тому, что КЭ почти прекратил функционировать; однако, это произошло также и потому, что возросло влияние ИГ в регионе. Пропаганда ИГ успешно оказывает влияние на северокавказскую (а также и российскую) молодежь, агитируя ее присоединиться к джихаду на территории России или за ее пределами. Количество ИБТ из России и других постсоветских республик, хотя в настоящее время сокращается, все еще остается существенным, и российские силы безопасности в прошлом, возможно, поспособствовали оттоку боевиков обратно в Россию. Хотя точное количество возвращающихся из Сирии боевиков неизвестно, эти цифры могут составлять 15-20%. Некоторых из тех, кто вернулся, судят и сажают в тюрьму, некоторые присоединяются к подпольным террористическим сетям, а место пребывания остальных неизвестно.

Количество нападений на Северном Кавказе, за которыми стоит ИГ, возросло, а некоторые из недавних нападений увязывают с бывшими членами ДМА и другими боевиками, вернувшимися из Сирии. Оставшиеся в Сирии и Ираке боевики и те, кто все еще стремится присоединиться к ним на поле боя, представляют угрозу не только России, но и соседним странам. Учитывая нынешнее развитие событий в Сирии и усугубляющуюся ситуацию и репрессии в Чечне и соседних с ней республиках, эта угроза становится еще больше. Первая волна северокавказских ИБТ потенциально более опасна, обладая боевыми навыками и опытом и приобретенными на поле боя репутацией и связями. На вторую волну боевиков в основном оказала влияние пропаганда ИГ, которая по-прежнему остается довольно влиятельной в регионе, несмотря на поражения ИГ в Сирии и Ираке. Независимо от того, к какой группировке они примыкают, ИБТ с Северного Кавказа представляют долгосрочную угрозу глобальной безопасности. Если появится возможность, они будут сражаться на Кавказе, но если они будут не в состоянии вернуться домой, у них может появиться мотивация наносить удары в других регионах мира. □

ПРОСТОЕ

РЕШЕНИЕ

*Радиовещание в диапазоне
ультракоротких волн – мощное
оружие против экстремистской
пропаганды в Сомали*

Джон Хатчингс

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

В сегодняшнем высокотехнологичном мире социальные сети и цифровые коммуникации вездесущи, они есть почти в любом секторе общества, в культуре, в бизнесе и в государственных структурах. И сфера противодействия насильственному экстремизму (ПНЭ) ничем не отличается – социальные сети и цифровые технологии усиливают элемент стратегических коммуникаций ПНЭ. Однако, и такое старомодное средство передачи информации как радио также имеет много преимуществ, особенно в менее развитых регионах. Радио в диапазоне ультракоротких волн (УКВ) может играть важную роль в многогранном и скоординированном подходе, который соотносится с целевой аудиторией и использует сочетание цифровых и аналоговых технологий.

Радио в Сомали

В Сомали радиовещание находится на подъеме. Для его организации не требуются современные высокие технологии, а покрывает вещание большие территории. В прошлом оно использовалось в пропагандистских целях в связи с затяжным конфликтом – его использовали те, кто выступал за мир, и, к сожалению, те, кто выступал за продолжение конфликта. Радио представляет собой инструмент, доступный тем, кто противостоит терроризму, особенно в Сомали, где чрезвычайно важно бороться с пропагандой крайне насильственной диссидентской группировки Аль-Шабаб (АШ).

АШ стала более изощренной в использовании стратегических коммуникаций как раз в то время, когда интернет стал широко использоваться. Однако, интернет еще не настолько глубоко вошел в жизнь сомалийцев. Проведенный в 2015 г. «British Broadcasting Corp.» (Би-Би-Си) опрос показал, что, хотя в стране имеется сеть интернет-кафе и большое количество подключаемых к интернету устройств, высокая стоимость интернет-услуг в сочетании с неразвитой инфраструктурой делает интернет недоступным для большинства сомалийцев.

В этой ситуации радио остается наилучшим способом передачи пропаганды и контрпропаганды широкому кругу общественности. Также важно понимать, что Сомали является в культурном плане одним из самых гомогенных государств в мире. Все жители Сомали говорят на одном языке (сомалийском) и почти все они принадлежат к суннитскому направлению ислама. Эти факторы способствуют составлению программ, основанных на нарративах, которые хорошо понятны всем сомалийцам. Если поддерживать объективность и доброжелательность радиовещания, то оно станет вызывающим

доверие носителем информации и будет способствовать строительству гражданского демократического общества, которое искренне придерживается своей идеологической, религиозной и однородной самобытности.

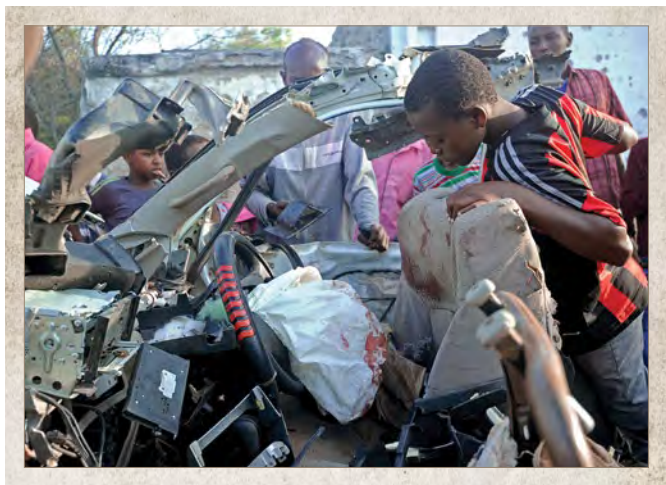
Радио было частью контрпропагандистских усилий, предпринимаемых войсками ООН и Миссии Африканского Союза в Сомали (ЮНОСОМ) против пропаганды АШ с 2009 г. когда первая общественная радиостанция, финансируемая ООН, начала свои трансляции из Могадишу. В то время Могадишу был разделен на две части – правительственные силы и ЮНОСОМ контролировали одну часть города, а АШ другую. Когда войска ЮНОСОМ отбили у АШ вторую часть города, радиовещание стало процветать. Служба радиовещания широко распространена в Сомали, и она идеально подходит для традиционной сомалийской культуры, где преобладают интересные повествования, поэзия и музыка. Когда силы ООН вернулись в страну после восьмилетнего перерыва, последствия гражданской войны, разрывавшей страну в течение двух десятилетий, свели на нет государственные институты и верховенство закона. Большинство правительственных структур прогнили и уступили место межклановой войне и подъему радикальных исламистских группировок, включая организацию Союз исламских судов, которая и породила АШ.

Технологическая легкость

С годами АШ создала собственный аппарат СМИ, который на фоне общей ситуации со СМИ в стране выглядел довольно передовым. Такие каналы АШ как «Радио Андулус» и «Канал новостей АШ» до сих пор продолжают транслировать террористическую пропаганду. У АШ выработался стойкий технологический подход к радио, который, несомненно, приспосабливается к меняющейся ситуации. В прошлом эта группировка захватывала радиостанции и оборудование для того, чтобы транслировать собственные программы, что сделать было легко и дешево. Хотя составление радиопрограмм может быть делом довольно сложным, базовые возможности можно легко получить при помощи передатчика и устаревшего оборудования, такого как микрофон и примитивные миксеры. Такая простота может быть на руку не только диссидентским группировкам, но и правительству, однако при этом важно иметь представление об этих возможностях и использовать их с максимальной отдачей. ЮНОСОМ использует эти возможности при помощи высокоомобильной системы «радио-в-коробке», бесплатно предоставленной Госдепартаментом США. Эта система передвигается вместе с войсками ЮНОСОМ

и используется контингентом Бурунди и Уганды в таких сомалийских городах как Джовхар, Бараве и Марка. Эта станция, передающая на частотах УКВ и имеющая радиус вещания 25 километров, транслирует программы на сомалийском и английском языках (английский язык распространен среди диаспоры, которая возвращается в страну из стран Европы и США). Содержание передач включает рассказы о деятельности ЮНОСОМ в стране, пытаются завоевать «умы и сердца» сомалийцев, а также и контрпропаганду, нацеленную против АШ, и призывы к боевикам АШ дезертировать из рядов группировки. Содержание передач готовится при помощи Миссии ООН по Содействию Сомали. Такой основанный на сотрудничестве подход является идеальным для ПНЭ, в нем используются талантливые журналисты, техники и редакторы как из состава ООН, так и из местных профессионалов, ведущие целенаправленное вещание на определенные регионы.

Прохожие смотрят на останки взорванного автомобиля рядом с рестораном «Банадир Бич» в Могадишу на следующий день после террористического нападения Аль-Шабаб в августе 2016 г. AFP/GETTY IMAGES

Методы вещания Аль-Шабаб

АШ не только активно использует радиовещание, она также использует интернет для общения с крупными городами и диаспорой. Однако, как уже говорилось выше, интернет еще не имеет широкого распространения в Сомали из-за высокой его стоимости, хотя ситуация может быстро измениться, когда волоконная связь расширит имеющиеся широкополосные каналы и в безопасных районах начнет создаваться инфраструктура. Шейх Абдiazиз Абу Мусаб, представитель оперативного командования АШ по связям с общественностью, представляет агентствам новостей пространные нарративы и комментарии. Нарративы АШ базируются на четкой, последовательной и простой идеологии. Главная цель АШ состоит в свержении сомалийского правительства, избавлении страны от «иностранных вторжений» и установлении исламского эмирата, основанного на строгой интерпретации законов Шариата. Возможно,

этот нарратив не отражает реалии, но он постоянно навязывается и может оказаться привлекательным для людей с ограниченными перспективами на будущее из сельских районов, а также для некоторых представителей диаспоры. АШ подает свои сообщения простым языком, и они находят отклик по крайней мере у какой-то части целевой аудитории. В сообщениях постоянно повторяется, что все члены группировки являются религиозными сомалийцами и в состоянии обеспечить безопасность сограждан.

Попытки противодействовать нарративам АШ натапливаются на проблему – группировка производит высококачественные эксклюзивные видеоматериалы для распространения в интернете через свой производственный центр аль-Катаиб. Содержание видеоматериалов включает нападение на торговый комплекс «Вестгейт» в Найроби, в Кении в сентябре 2013 г. и захват баз ЮНОСОМ в Лиго (в июне 2015 г.), в Джанаале (в сентябре 2015 г.) и Эль Адде (в январе 2016 г.). Видео и радиопрограммы производятся на сомалийском, арабском и английском языке, а также на суахили, позволяя АШ вещать на аудитории за пределами Сомали.

Учитывая преобладающую пропаганду АШ на цифровых платформах и социальных сетях, необходимо понять мотивацию такой политики. Одна из основных целей кампаний в цифровых СМИ состоит в том, чтобы ублажить Аль-Каиду, с которой АШ связана. В ответ Аль-Каида частично финансирует военные операции и вербовочные мероприятия АШ – особенно в Кении и Танзании. Эта пропаганда также является инструментом, подстрекающим нападения на сомалийское правительство и на его восточно-африканских соседей.

Понимая целевую аудиторию

Рассматривая радиовещание как инструмент ПНЭ, важно понимать, какое оно может оказать влияние на нынешних и потенциальных новобранцев АШ. Уровень грамотности в Сомали очень низкий, примерно 25%, и как свидетельствует «Глобальный мониторинговый отчет за 2011 г.», подготовленный ЮНЕСКО, большинство ключевых членов АШ необразованные. В том же самом отчете указывается, что большинство молодых новобранцев АШ прибыли из отдаленных районов, где они были безработными и не имели доступа к инфраструктуре коммуникаций. Многие не имеют никакого представления о внешнем мире. Многие также посещали мечети, где имамы, добровольно либо по принуждению, позволяли вербовщикам АШ произносить речи, цитируя патристические гиперболы вперемешку с религиозными стихами, оправдывая насильственный джихад и сопротивление «иностранным завоевателям». Как ни странно, в речах часто использовались пропагандистские высказывания в поддержку прав детей, а также финансовая мотивация.

Важным моментом является то, что вербовщики АШ предлагают ощущение принадлежности. Многие перебежчики говорят, что в пользу вступления в

группировку используются националистические аргументы и стремление избавиться Сомали от иностранных завоевателей (особенно от эфиопов, которые многими сомалийцами рассматриваются как естественные враги из-за Огаденской войны 1977-1978 гг.). Другие мотивы включают месть, идеологические убеждения, основанные на доктринах насильственного джихада, а также возможность испытать возбуждение, повысить свой социальный статус или жениться. Многие также поддались на обещания безопасности и защиты для своих кланов.

Создавая нарративы ПНЭ для радиопрограмм, необходимо просчитывать, какое влияние будет оказывать сообщение, а если возможно, то и как это влияние можно измерять. В тех сообщениях, которые имеют наибольшее влияние, говорится о таких реалиях как разделение семей, а также делается упор на том, что намерения руководства АШ – это совсем не то, что нужно Сомали или исламу. Эффективно срабатывает также информирование членов АШ о том, что они могут покинуть группировку и присоединиться к программе разоружения, демобилизации и интеграции.

Контрнарративы

За последние годы АШ значительно сдала свои позиции, а потеря ее оплота в Могадишу в 2011 г. позволило независимому радио постоянно расширять свое вещание. Однако, последнее правительство ввело крайне жесткие и непродуктивные правила относительно СМИ. Имея это в виду, радиостанции, которые пользуются наибольшим доверием, как показал проведенный Агентством международного развития США в 2017 г. опрос, это представители «старой гвардии» – «Би-Би-Си» и «Голос Америки». Возможно, это потому что эти радиостанции по-прежнему рассматриваются как объективные, обстоятельство, которое считается большим плюсом у многих сомалийцев, скептически относящихся к правительственному радио.

Отступление АШ открыло возможности для более динамичного роста ограниченного количества радиостанций. Например, «Gool FM», новая местная частная радиостанция, привержена ранее игнорируемой, но быстро растущей культуре спорта, которая включает освещение событий футбола и баскетбола, а также представляющих национальную гордость представителей сомалийской диаспоры, таких как Мо Фара, чемпиона мира и Олимпийских Игр, непобедимого в забегах на 5 и 10 километров. Эта радиостанция получила возможность быстро развиваться только после того как ЮНОСОМ выгнали АШ из столицы в 2011 г. После освобождения территорий от АШ у сомалийцев появилось все больше возможностей свободно слушать не только принадлежащее АШ «Радио Андулус», а также и другие станции. Возможно, это и не имеет прямого отношения к усилиям ПНЭ; однако, эти радиопередачи уводили в сторону от насильственного экстремизма и возвращали людей к «нормальной» жизни.

Журналисты ведут трансляцию на радиостанции «Gool FM» в Могадишу, Сомали. Радиостанция не передает политические новости, она специализируется исключительно на спортивной тематике. АССОЦИИЭТЕД ПРЕСС

Одной из заслуг радиостанции «Gool FM» – опять-таки, это может и не рассматриваться как заслуга с точки зрения ПНЭ – является то, что на ее волнах редко выступают политики. Вместо этого радиостанция концентрирует внимание на спортивном событии дня и разыгрывает призы за правильно угаданный счет в футбольном матче. Когда у молодых людей есть эмоциональная, почти клановая, привязанность к какому-то виду спорта или спортивной команде, то это помогает заполнить пустоту, создаваемую безработицей и чувством отчуждения, снижая силу этих основных факторов, толкающих к насильственному экстремизму. Также можно утверждать, что спортивная привязанность дает человеку чувство принадлежности к группе – группе болельщиков за определенную футбольную команду – что является положительным фактором. Проходя по улицам Могадишу, обязательно увидишь людей в футболках команд английской премьер-лиги или испанской лиги. Аудитория «Gool FM» большая еще и потому, что станция практически не работает в режиме цифровых технологий. По данным Международного союза телекоммуникаций, в 2014 г. к интернету имели доступ только 1.6% сомалийцев. И хотя этот процент за последние годы возрос, эти услуги все равно еще остаются дорогими для большинства населения.

Трудности

Для того, чтобы выиграть информационную войну, правительство должно:

Контролировать нарратив: У АШ было много тактических успехов, и она тут же освещала их, в то же время замалчивая свои потери. У федерального правительства есть тенденция к медлительности, и довольно часто оно неверно формулирует свои сообщения. Возможно, это происходит потому, что у Министерства информации нет опыта, но еще и из-за упрямого нежелания признать, что нарративы АШ захватили его врасплох. За последние несколько лет ответы правительства стали более

Абдиазиз Мухамед Али Хаджи, журналист «Радио Шабелль» в Могадишу, был застрелен неизвестным преступником в сентябре 2016 г. Сомали является одним из наиболее опасных мест в мире для журналистов. АССОЦИЙТЕД ПРЕСС

высокого качества, выпускается больше заявлений – в основном с осуждением АШ, особенно если в результате их нападения есть жертвы среди гражданского населения. У ООН и у ЮНОСОМ разная политика: ООН редко отвечает на инциденты, разве что только в поддержку правительственного сообщения, в то время как ЮНОСОМ в своих контрнарративах довольно часто упоминает о собственных недостатках.

Введенные ограничения на деятельность прессы, слабая инфраструктура, недостаточная безопасность и

отсутствие стратегии и связующего специализированного радио-контента – все эти факторы ограничивают ресурсы радио как передатчика информации в целях ПНЭ в Сомали. Также стоит вопрос о том, какую именно информацию должны передавать независимые радиостанции. В последние годы ООН транслировало много объявлений для общественности, но должно было платить радиостанциям за их трансляцию. Контент объявлений для

**КОНТЕНТ
ОБЪЯВЛЕНИЙ ДЛЯ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ
ВАРЬИРОВАЛСЯ
ОТ ПРИЗЫВА
УЧАСТВОВАТЬ
В ВЫБОРНОМ
ПРОЦЕССЕ ДО
РАЗЪЯСНЕНИЯ
РОЛИ ЖЕНЩИН В
МЕСТНЫХ ОБЩИНАХ,
БЫЛИ ТАКЖЕ
ПРИЗЫВЫ К ЧЛЕНАМ
АШ ПОКИНУТЬ
ГРУППИРОВКУ И
РЕИНТЕГРИРОВАТЬСЯ
В ОБЩЕСТВО.**

общественности варьировался от призыва участвовать в выборном процессе до разъяснения роли женщин в местных общинах, были также призывы к членам АШ

покинуть группировку и реинтегрироваться в общество. Многие боевики утверждали, что у них такое чувство, будто нет дороги назад к нормальной жизни в их общинах. Однако, заверения общества и правительства в том, что к дезертировавшим из АШ боевикам отнесутся справедливо, и что после реинтеграции они будут жить нормальной жизнью, возымели эффект. Опросы, проведенные Агентством международного развития США, показали, что более половины населения поддерживает эти меры. Образовательные и информационные программы для населения должны оставаться целью радиостанций, участвующих в ПНЭ. Если бывшие боевики почувствуют, что общество их отвергает, то они могут примкнуть к другим группировкам, таким как ИГИЛ, которая в настоящее время имеет свои базы в северной части Сомали.

Защищать журналистов: Журналисты представляют собой главную опору радионовостей; без них сообщения не имели бы никакого реального наполнения. Журналистика предоставляет информированные комментарии, которые помогают слушателям усомниться в некоторых ложных концепциях относительно правительства, помощи ООН и ЮНОСОМ или происходящего в других странах. Журналисты в Сомали вынуждены работать в очень враждебных условиях – Сомали была на 172 месте из 180 стран в Мировом индексе свободы прессы за 2015 г., составленном организацией «Репортеры без границ». Хотя сфера журналистики в Сомали в целом остается нерегулированной после падения режима Саида Барре в 1991 г., большинство журналистов считает, что законы, принятые в 2014 г., носят запретительный и чрезмерно жесткий характер. Учитывая, что журналисты очень часто подвергаются насилию – хотя это насилие не всегда имеет отношение к экстремизму – ясно, что журналистика в Сомали представляет собой опасную профессию; на самом деле Сомали является самым опасным местом в Африке для журналистов, и поэтому там так трудно получить объективные новости хорошего качества.

Несмотря на эти трудности, впечатляет уровень профессионализма многих сомалийских журналистов и их чувство справедливости и преданности непредвзятому и точному освещению событий. Проведенная Национальным союзом журналистов Сомали кампания за честные репортажи и открытость помогла обратить внимание на тяжелое положение журналистов в стране. Прозрачность в журналистике является ключевым фактором для эффективного ПНЭ, поскольку это вызывает доверие к СМИ – а если также вскрываются случаи коррупции в правительстве, то тогда затрагиваются некоторые вопросы, которые могут привести к насильственному экстремизму.

Расширять применения цифровых технологий: Инфраструктура в Сомали становится все лучше, благодаря многим факторам, одним из которых является

продолжительный мир, достигнутый в некоторых районах страны при помощи военных действий ЮНОСОМ против АШ, а также благодаря иностранным инвестициям в строительство дорог, электросетей и других элементов инфраструктуры. Эта новая инфраструктура приведет к более широкому использованию цифровых технологий. Как показывают опросы «Би-Би-Си» и Агентства международного развития США, доступ к телевидению в стране расширяется, хотя пока что в основном за счет обеспеченной части населения и городских районов. Также исследование, проведенное в прошлом году Всемирным банком, показало, что все больше сомалийцев получают доступ к интернету, хотя, как отмечалось выше, интернет-услуги все еще остаются слишком дорогими для большинства населения. Радио остается приоритетным способом получения новостей и наилучшим способом общения с населением, помимо личного общения. Существует опасность того, что профессионалы в сфере ПНЭ будут охвачены активным внедрением цифровых СМИ. Создание видеоматериалов и использование Твиттера представляется более привлекательным по сравнению с манипуляциями по изготовлению радиопродукта в аналоговом режиме – не в последнюю очередь потому что можно количественно измерить «твиты» и «лайки». И хотя пользование мобильными телефонами за последние несколько лет росло огромными темпами, не все телефоны имеют доступ к цифровым системам 3G или 4G – на самом деле, оборудование, связанное с 3G и 4G, запрещено АШ на контролируемых ими территориях – но почти все сомалийцы имеют доступ к радио на частотах УКВ.

Сообщения, относящиеся к ПНЭ, выиграют от принятия правил, регулирующих частоты вещания, причем не только для радиостанций, но и для всех СМИ по всему спектру. Это позволит провести справедливое распределение частот и создаст определенный порядок. Сфера радио уже насыщена, и необходимы разнообразные открытые станции, чтобы поддерживать материал свежим и уместным. Молодые люди являются самой крупной демографической группой в Сомали и, в то же время, наиболее уязвимой перед манипуляциями насильственного экстремизма. Сфера радиовещания должна регулироваться, но ее не должны душить многочисленные ограничения.

Заключение

Нет никакого сомнения в том, что радио является наиболее энергичным и динамичным средством передачи информации в Сомали. Специалисты в сфере ПНЭ должны более эффективно использовать этот инструмент для сообщений и контрнарративов. Креативный подход является ключевым фактором: молодые радиослушатели будут проявлять интерес к передачам только в том случае, если по радио им не будут читать лекции и не будут обрушивать на них огромную массу политической риторики. Необходимо умеренное регулирование этой сферы, а также общеправительственный подход к

ней. Посредством разумного регулирования правительство может создать разнообразие радиопередач и работать совместно с ООН и ЮНОСОМ для обеспечения контента, который бы способствовал установлению мира и стабильности, включая сообщения о том, что покинувшие ряды АШ будут приняты обществом с пониманием. Музыка, поэзия и театр также могут быть использованы для передачи понимания собственной самобытности, которая является важным моментом для тех, кто присоединился к террористическим группировкам. Необходимо рассматривать случаи успешного ведения дел и стараться копировать их. Например, положительный эффект радиостанции «Gool FM» является ценным опытом, на котором можно учиться. Вдохновляя молодых сомалийцев быть такими же как Файсал Джама Аден, который играл в баскетбол за университетскую команду США, эти передачи, возможно и отвратят некоторых молодых людей от того, чтобы стать террористом-смертником, имя которого скоро все забудут.

Миротворцы из Бурунди в составе Миссии Африканского Союза в Сомали несут патрулирование после боевых действий между повстанцами и правительственными войсками в пригородах Магадишу. РЕЙТЕР

Заглядывая в будущее, совершенно очевидно, что социальные сети становятся все более важными и могут органически вписаться в клановую и семейную культуру сомалийского общества. Однако, на сегодняшний день радио на частотах УКВ является наиболее подходящим инструментом для того, чтобы донести сообщения до целевой аудитории потенциальных дезертиров из АШ и тех, кто может подтолкнуть их к дезертирству, например, членов семьи или религиозных лидеров.

И наконец, необходима безопасность для того, чтобы радиотрансляция расширялась и была услышана населением. Усилия в сфере ПНЭ должны осуществляться бок о бок с традиционными военными операциями против повстанцев и террористов. В каждой стране есть свой основной инструмент в области ПНЭ – в Сомали это радио. Так что настраивайтесь на волну и танцуйте под Кашба! □

КАК

МИИР

пришел в Северную Ирландию

Разоружение, демобилизация и реинтеграция были
заточены под конкретную ситуацию

КАПИТАН ЭНДРЮ АПШОУ, СУХОПУТНЫЕ СИЛЫ США

Окончательное разоружение, демобилизация и реинтеграция (РДР) группировок, которые прежде поддерживали насилие, является ключевым долгосрочным решением любого конфликта, и, особенно, конфликта в Северной Ирландии. Процесс РДР дает политикам больше свободы для маневра, когда само насилие и средства его осуществления уже больше не являются факторами в сложившейся ситуации. В случае с Северной Ирландией намерение состояло в разоружении военизированных организаций и в том, чтобы их членов, ранее принимавших участие в насилии, мирно политически и экономически интегрировать в общество. Как отмечает Алпаслан Озердем из Центра по вопросам доверия, мира и общественных отношений при Университете Ковентри, официальное окончание состояния враждебности в конфликте еще не гарантирует длительный мир, а скорее является сигналом к началу долгого и сложного миротворческого процесса. В результате этого процесса появляется большое количество бывших комбатантов, которых необходимо интегрировать в общество, а многие общества, включая Северную Ирландию, не имеют достаточной экономической мощи, чтобы интегрировать большое количество рабочей силы. Озердем также отмечает, что, не имея работы или какой-то новой

роли после окончания конфликта, беспокойный бывший комбатант может решить возобновить насильственные действия, тем самым поставив под угрозу стабильность жизни окружающих. Учитывая большое количество бывших комбатантов и относительно небольшое население, этот тезис особенно применим к Северной Ирландии. В настоящее время опасность неудачной попытки реинтегрировать бывших боевиков очевидна в таких зонах конфликта, как Ирак и Афганистан.

РДР В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Процесс роспуска вооруженных формирований в Северной Ирландии был согласован и проведен при участии Независимой международной комиссии по разоружению (НМКР). Эта организация была создана в результате подписания в 1998 г. т.н. Соглашения Страстной Пятницы. Позднее соответствующие положения были введены в законодательство Ирландии и Великобритании. Эту комиссию возглавляли отставной канадский генерал Джон де Частелейн, финский генерал-майор Тауно Ниеминен и посол Дональд Джонсон из США. НМКР следила за выполнением РДР в Северной Ирландии с 1998 г. до 28 марта 2011 г., когда был представлен заключительный отчет.

До создания НМКР требование разоружения было основным препятствием на пути к прогрессу, поскольку, как пишет Джордж Митчелл в своей книге «Заключение мира», партии лоялистов – Юнионистская партия Ольстера, Демократическая юнионистская партия и Юнионистская партия Великобритании требовали роспуска вооруженных формирований до продолжения переговоров. Это требование оставалось препятствием вплоть до заключения Соглашения Страстной Пятницы. Митчелл был специальным посланником США в Северной Ирландии и основным архитектором этого соглашения. Перед лицом нависшей угрозы возобновления широкомасштабного насилия желание продолжить переговоры возобладало. Требование разоружения оставалось препятствием, поскольку владение оружием само по себе было одним из самых больших «козырей» на переговорах. Сдав оружие, эти группировки потеряли бы рычаг давления. Нил Джарман, директор Института исследования конфликтов, говорит, что этот аргумент был особенно важен в случае с Временной Ирландской Республиканской Армией (ВИРА), которая сопротивлялась идее разоружения больше, чем другие полувоенные группировки, поскольку их вооружение

освободительная армия (ИНОА), а также лоялистские группировки. Однако, в отличие от ВИРА, эти группировки не были тесно связаны с какой-либо политической партией, например, «Шинн Фейн», и поэтому шансы, что они смогут войти в состав любого будущего правительства, были почти нулевыми.

Проверка количества и мест нахождения оружия военизированных группировок было проблематичным по ряду причин, включая долгое время, в течение которого оружие находилось в руках группировок, а также постоянные расколы в них. Отсутствие отчетности за оружие представляет собой постоянную проблему, особенно в связи с продолжающейся насильственной деятельностью диссидентов-республиканцев (НДР). В соответствии с докладом НМКР в 2011 г., «Процесс разоружения все еще не окончен, поскольку вооруженные и полувоенные группировки все еще владеют самым разнообразным оружием». Кроме того, между республиканскими и лоялистскими группировками существуют различия с точки зрения их возможности эффективно вести учет имеющегося в распоряжении оружия. Как заявили Полиция Северная Ирландия (ПССИ) и бывший член ВИРА, большинство вооружения

Бывшие бойцы полувоенной организации Ирландская Республиканская Армия выходят на свободу 28 июля 2000 г. из тюрьмы Мейс в Северной Ирландии в соответствии с условиями Соглашения Страстной Пятницы, предусматривающего освобождение более 80 террористов, воевавших по обе стороны конфликта. РЕЙТЕР

и продемонстрированная способность совершать акты насилия как в Северной Ирландии, так и в остальных частях Великобритании, были основными рычагами давления на переговорах, которые нельзя было заменить ничем другим. ВИРА также хотела сохранить оружие для того, чтобы убедиться, что мирное соглашение было действительно стабильным и постоянным, и что другие стороны соглашения также готовы были его соблюдать. Преждевременная сдача оружия сделала бы её уязвимой для нападения. Подобной логики придерживались также и остальные группировки, сотрудничавшие с республиканцами, такие как Ирландская национальная

для полувоенных республиканских группировок было поставлено режимом бывшего ливийского лидера Моаммара Кадафи, и провести его учет и инвентаризацию было довольно легко. Лоялистские группировки не имели такого государства-спонсора, и их члены зачастую сами раздобывали себе оружие и боеприпасы. Лоялист Колин Халлидей, бывший членом Оборонной ассоциации Ольстера (ОАО), сказал автору этой статьи: «Прежде, чем разоружаться, нам пришлось собраться вместе и поговорить с людьми ... поскольку у нас были подразделения и вооружения по всей стране. Мы не были похожи на британскую армию. Мы не знали, сколько оружия на руках у людей. Люди имели возможность самостоятельно добывать себе оружие».

Члены ПССИ и бывшие члены республиканских и лоялистских полувоенных группировок подтвердили, что оружие остается в Северной Ирландии. Остатки оружия служат не только в качестве потенциальной страховки группировок, которые им обладают, но они могут также случайно попасть в руки насильственных диссидентских группировок, что будет представлять существенную проблему в плане безопасности. Здесь не имеется в виду, что разоружение проводилось нехотя, просто сдать абсолютно все запасы оружия, оставшиеся после конфликта, было невозможно, да и не было нужно для того, чтобы процесс РДР продвинулся вперед. Напротив, сдача оружия, хотя и неполная, послужила первым шагом, за которым двинулся вперед весь процесс.

Хотя какая-то часть оружия остается в руках

Дети запускают голубей в Белфасте 2 декабря 1999 г. по случаю прихода к власти нового коалиционного правительства, сформированного в результате Соглашения Страстной Пятницы. ЕРА

различных полувоенных группировок, считается, что создание атмосферы доверия между участниками конфликта намного важнее, чем полная сдача оружия. Как вспоминает Майкл Кулберт, бывший член ВИРА, а ныне директор местной организации «Coiste na nIarchimí», многие республиканцы думали: «Почему столько шума из-за оружия? Мы сможем еще достать. В течение 30 лет мы постоянно получали оружие ... РПГ, ракеты класса «земля-воздух», тяжелые пулеметы. Проблема не в том, чтобы достать оружие, а в том, чтобы его не использовать. И вот здесь важно доверие. И британское правительство поверило республиканцам, с которыми вело переговоры». С таким подходом согласились бывшие члены ИНОА, Добровольческих сил Ольстера (ДСО) и ОАО, которые утверждали, что на самом деле оружие достать легко, даже если изначальные склады сдать или со временем забыть о них, поскольку каждая группировка создала устойчивую сеть и схему поставок, которые не уничтожит никакое мирное соглашение. Кроме того, многие бывшие участники полувоенных организаций заявляли, что, хотя, по их мнению, значение обладания оружием не было таким уж важным, как многие считают, оно было и остается важным для тех, кто рисковал своей жизнью и свободой, поддерживая и охраняя склады с оружием.

Помимо попыток провести полное разоружение, НМКР сделала все, чтобы с уважением отнестись к пожеланиям отдельных группировок относительно самой процедуры сдачи оружия:

- Хочет ли группировка сдать оружие публично или в конфиденциальной обстановке.
- Хочет ли группировка, чтобы были установлены камеры и присутствовали свидетели.
- Кто первым публично объявит о факте разоружения – сама группировка или комиссия (учитывая обязательство проинформировать два

правительства о том, что сдача оружия имела место).

По данным НМКР, все, кроме одной группировки, предпочли сдать оружие в конфиденциальной обстановке. Предотвращение утечки информации было одним из наивысших приоритетов. Учитывая тот факт, что еще оставались не сданными целые склады оружия, и то, что диссидентские группировки продолжали свою деятельность и существовал риск возобновления насилия, НМКР считала, что публичное сообщение об этом может привести к нападениям на группировки, которые рискнули участвовать в мирном процессе, что поставит под угрозу будущие усилия по разоружению.

Пять лет спустя после Соглашения Страстной Пятницы была создана Независимая мониторинговая комиссия (НМК) для оказания помощи в процессе РДР, а именно для урегулирования вопросов, которые не были решены Соглашением Страстной Пятницы. НМК была учреждена в апреле 2003 г. правительствами Великобритании и Ирландии после принятия совместной декларации и начала работать в начале 2004 г. Продолжал сохраняться довольно высокий уровень насилия, наблюдалось отсутствие доверия в недавно созданных институтах и были искренние сомнения в том, что это соглашение продержится длительное время. Кроме того, к 2004 г. полувоенные группировки так и не сдали все свое оружие. НМК служила средством продвижения вперед процесса РДР и привнесения атмосферы доверия в Соглашение Страстной Пятницы. За все время своего существования НМК выпустила 26 докладов, разделенных на две категории – действия полувоенных группировок и нормализация обстановки безопасности. И, тем не менее, окончательное мирное соглашение не было подписано вплоть до 2007 г.

Хотя создание НМК было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, не все происходящие события носили отрицательный характер. Например, как республиканские, так и лоялистские группировки в целом приняли и выполняли процедуру сдачи оружия и согласились с тем, что законные юридические и полицейские функции будет выполнять правительство Северной Ирландии. Заявления партии «Шинн Фейн», сделанные по этому поводу в январе 2007 г., имели особое значение. Вместе с тем, несмотря на эти позитивные шаги, насилие сохранялось; однако, похоже, что его природа изменилась по мере того, как сектарианское насилие со стороны полувоенных группировок было перенаправлено в новое русло – против отдельных физических лиц, вовлеченных в «антисоциальную» деятельность, например, торговлю наркотиками. В этом смысле уровень насилия был выше у группировок лоялистов, чем у республиканцев, и это насилие было сосредоточено на их собственных общинах, а не за их пределами. НМК также наблюдала различия

между группировками республиканцев и лоялистов в том, как они приспосабливались к новым условиям; в конечном итоге, лоялисты оказались менее способными принять новую ситуацию и приспособиться к ней, чем республиканские группировки. Описывая трудности приспособления к новым реалиям после того как период конфронтации закончился, бывшие члены полувоенных лоялистских группировок подтвердили эти выводы.

В большой степени выводы из наблюдений НМК совпадали с реальными фактами. Политическое крыло республиканского движения, а именно «Шинн Фейн», дало возможность ВИРА и примкнувшим к ней группировкам перевести свои усилия в русло политического процесса. Их военные структуры облегчили этот переход и его сохранение. Многие лоялистские группировки не имели такой политической «полосы торможения», куда можно было бы направить энергию своих недовольных членов, да и поддержки среди населения у них не было, во всяком случае такой, как у республиканцев. Таким образом, перенаправить энергию в область политики не удалось, а возможно, такие попытки даже и не предпринимались, что оставило многим группировкам выбор – заняться преступной деятельностью или все время быть на чеку и ожидать нападений. Кроме этого, была вновь восстановлена исполнительная власть на местном уровне путем передачи полномочий, что, по наблюдениям НМК, произошло в основном за счет широкомасштабного снижения насильственной деятельности военизированных группировок, вследствие чего сама по себе снизилась напряженность между политическими партиями Северной Ирландии.

Когда была основана НМК, британская армия все еще удерживала значительную власть в Северной Ирландии, ассоциировавшуюся с борьбой с терроризмом и поддержанием общественного порядка, которую она не могла себе позволить в других частях страны. В 2003-2004 гг. на 24 базах в Северной Ирландии было размещено в общей сложности 14 тыс. военнослужащих. Кроме того, военные также располагались на многочисленных полицейских участках, смотровых вышках и станциях мониторинга связи; в отношении северо-ирландских группировок у армии были специальные полномочия по борьбе с терроризмом. Такое положение было особенно уникальным, поскольку армия поддерживала боевую готовность внутри собственной страны и обладала полномочиями, которые даются только в военное время, и это серьезно отличалось от статуса армии во всех остальных частях Великобритании. Были введены особые юридические полномочия, согласно которым арестованные за преступления в этот период члены полувоенных группировок осуждались не судом присяжных, а одним судьей. Трудно сказать, были ли такие суды на самом деле несправедливыми, но интервью, проведенные с членами полувоенных группировок ВИРА, ДСО, ОАО и ИНОА, показывают, что суды без участия присяжных усугубили чувство несправедливости у обеих сторон конфликта, как подчеркнул бывший

осужденный член ОАО Халлидей, заметивший, что если бы «его судьбу решали 12 обыкновенных людей, то у него, возможно, был бы шанс».

С августа 2005 г. по июль 2007 г. осуществлялась программа нормализации положения в сфере безопасности, а НМК осуществляла мониторинг ее реализации. В течение этого процесса назначение присутствия британских военных в Северной Ирландии и их антитеррористическая роль коренным образом изменились. Вместо того, чтобы следить за размещением боевых подразделений, как раньше, теперь их присутствие вошло в нормальное русло, как чисто по внешним признакам, так и в плане проводимых операций. Большинство наблюдательных пунктов и вышек были убраны, а частое вертолетное патрулирование было значительно сокращено или вообще прекращено. Нормализация обстановки в сфере безопасности, возможно, была одним из наиболее значительных достижений процесса РДР, поскольку реальные полномочия по борьбе с полувоенными группировками и террористической деятельностью наконец то были переданы в руки гражданских властей, а именно ПССИ (официальное название – Королевская полиция Ольстера). В конечном счете, это была самая длительная операция британской армии в истории, и, хотя она широкими кругами населения признавалась борьбой с терроризмом, она породила массу недовольства и внесла свой вклад в повстанческое движение и обострение ситуации в плане безопасности.

После ратификации Соглашения Страстной Пятницы на референдумах в Северной Ирландии и Ирландской Республике ожидалось, что полувоенные организации в основной своей массе сложат оружие. Учитывая связи ВИРА с «Шинн Фейн» и благодаря политической расстановке сил на них оказывалось большее давление с требованием разоружиться, чем на другие группировки. Вместе с тем, ВИРА также осознавала, что их запасы оружия были уж очень полезным «козырем» на переговорах, чтобы его отдавать, не говоря уже том, что сдача оружия была бы похожа на капитуляцию. По этим причинам ВИРА официально не соглашалась сдать оружие вплоть до 2005 г., когда прошло уже семь лет после подписания Соглашения Страстной Пятницы. До того времени никакие другие группировки также не начали полномасштабный процесс сдачи оружия. Однако, позже, в соответствии с соглашением с британским правительством, им был установлен конечный срок сдачи оружия – до февраля 2010 г. При этом правительство Великобритании пошло на уступку, согласившись не использовать сданное оружие в проходившем судебном расследовании преступлений, совершенных за время повстанческих действий. Помимо ВИРА это соглашение также касалось таких группировок, как ДСО, ОАО, Ассоциация обороны Ольстера (АОО), ИНОА и Официальная ирландская республиканская армия. Любое оружие, обнаруженное после февраля 2010 г., должно было быть использовано в проходившем в то время судебном расследовании и в будущих

расследованиях в качестве улики преступления. По мере того, как ПССИ продолжала проводить уголовное расследование, тот факт, что существовала совершенно реальная возможность обнаружения несданных запасов оружия, «дамокловым мечом» висела над головами многих бывших полувоенных группировок по обе стороны конфликта – как уже осужденных, так и никогда не получавших обвинений в преступлениях. Лучше всего об этом сказал Халлидей: «Как можно осуществить полный спектр мероприятий РДР, если через два года кто-то постучится к тебе в дверь и скажет: «Мы забираем тебя за преступление, которое ты совершил 40 лет назад». Такое положение вещей отнюдь не способствует процессу РДР».

Хотя процесс сдачи оружия проводился в основном группировками, вовлеченными в Соглашение Страстной Пятницы и проходящий мирный процесс, никто не обращал внимания на тот факт, что полувоенные организации продолжали существовать и сохраняли свой кадровый состав, командную структуру и в целом свою военную природу. В этих соглашениях не содержалось формального требования распустить полувоенные организации, и, как считает Джарман, у них не было никакого стимула к роспуску, поскольку все основное внимание было сосредоточено именно на сдаче оружия. И даже если какая-то организация заявляла о своем роспуске, то это трудно было доказать, а власти можно было легко ввести в заблуждение. Подтверждение такой ситуации можно найти в отчете о деятельности полувоенных группировок, подготовленном в октябре 2015 г. ПССИ и Британской службой внутренней контрразведки и безопасности (МИ-5). Хотя в отчете подтверждается существование полувоенных организаций и их структур, там также указывается, что совсем не обязательно, что у этих организаций есть возможности и боевой потенциал, поскольку эти организации «вряд ли сумеют возродить те возможности, которые у них были на пике их деятельности». Кроме того, способность группировки генерировать боевой потенциал зависит от сплоченности ее членов и способности контролировать и направлять ее членов в русло действия или бездействия. Эта сплоченность и сохранение командования и управления также влияет на способность руководства убеждать членов группировок в целесообразности мирных инициатив, что и было сделано в различных группировках с разной степенью успеха. Это было резюмировано в отчете ПССИ/МИ-5: «В структурах этих групп разная степень сплоченности. Однако, руководство ни одной из этих группировок не имеет полного контроля над деятельностью своих членов; имеет место обычная несанкционированная деятельность, включая действия, которые прямо противоречат инструкциям руководства».

Хотя тот факт, что организационно-командная структура этих группировок продолжает существовать, может рассматриваться как негативное явление, это может служить на пользу процесса РДР. В случае с

Северной Ирландией, ПССИ и МИ-5 полагают, что эти структуры способствовали тому, чтобы убедить членов многих группировок присоединиться к мирному процессу и разоружению. Более того, ключевые полувоенные группировки смогли осознать сокращение силы своих организаций и предотвратить возвращение большинства своих членов к насильственной деятельности и их присоединение к отколовшимся группировкам НДР. Если бы у руководства группировок не было возможности влиять на своих членов, то, скорее всего, нынешний уровень угрозы был бы гораздо выше. В интервью с представителем полицейского управления Тимом Маирсом выяснилось, что, хотя полувоенные группировки в Северной Ирландии остаются запрещенными организациями, ПССИ больше не классифицирует их как угрозу миру и поэтому больше не выделяет большие ресурсы для борьбы с ними. А это фактически означает признание роли этих группировок в поддержании мира.

Несмотря на то, что процесс сдачи оружия способствует снижению боевого потенциала полувоенных группировок, также следует принимать во внимание другие факторы, такие как старение членов группировок. Это влияет на желание и мотивацию бойцов идти по пути вооруженного конфликта не только физически, но и психологически, поскольку долгие годы насилия, потеря друзей и родственников и отрицательный эффект насилия на их общины снизили желание членов этих группировок вновь братья за оружие. Как считает Джарман, многие бывшие бойцы просто устали от боевых действий и будут и дальше способствовать снижению насилия – по крайней мере, это относится к тем группировкам, которые стояли у истоков повстанческого движения. Кроме того, многие молодые люди в Северной Ирландии менее склонны к насильственным действиям, чем их предки. У них нет такого личного опыта, который бы побудил их взять в руки оружие, и они воочию убедились в преимуществах мира перед войной. Во время конфликтов у молодых людей часто возникает мотивация присоединиться к ним, если конфликт затрагивает их лично, или исходя из убеждений, но, когда военного конфликта нет, мотивация естественным образом снижается. Это не означает, что эти организации потеряли статус в своих общинах – они его сохранили – однако, насильственный аспект их деятельности, в большинстве своем, остался в прошлом. Джарман далее замечает, что вместо того, чтобы подталкивать молодых людей к участию в вооруженной борьбе, большинство организаций сейчас сосредоточены на политической деятельности, а не на криминальной или полувоенной активности, которая является более распространенной среди диссидентских группировок.

ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Из реализации процесса РДР и ситуации в Северной Ирландии можно извлечь много тем для обсуждения и выводов. Процесс РДР в Северной Ирландии состоялся,

хотя и не совсем таким образом, каким он в идеале был задуман. Вместо того, чтобы быть осуществленным в четком задуманном порядке – разоружение, демобилизация, реинтеграция – эти шаги осуществлялись параллельно или одновременно по мере того как подписывались мирные договоры и последующие соглашения. Последовательность была именно такой, какая соответствовала конкретной сложившейся ситуации.

В Северной Ирландии процесс РДР касался борьбы, которая никогда не была объявлена вооруженным конфликтом, хотя многие считали, что ее следует называть именно таковым. Многие политические заключенные, которым не были предоставлены права и привилегии военнопленных ни во время конфликта, ни после него, как это оговорено в Женевской Конвенции, требовали, чтобы их классифицировали как повстанческие силы, участвовавшие в признанной гражданской войне, а не как уголовников, учинивших внутренние беспорядки. Хотя эти возмущения находят отклик в общине бывших заключенных из числа членов полувоенных группировок, они не достигают такой силы, чтобы поставить под угрозу прогресс, достигнутый более 20 лет назад. Принимая во внимание преклонный возраст этих бывших заключенных, вряд ли их возмущения будут представлять угрозу в будущем.

Разоружение произошло в такой степени, которая была приемлемой для всех сторон, участвовавших в мирных переговорах, но это не означало, что абсолютно все оружие было сдано. Наоборот, запасы оружия, хранимые бывшими или действующими полувоенными организациями, остались нетронутыми. Но что более важно, разоружение, даже в тех пределах, в которых оно произошло, больше было мерой укрепления доверия, чем способом понизить реальную боевую эффективность участников конфликта.

Несмотря на то, что боевые действия имели место во многих странах, большинство из них проходили в Северной Ирландии. Это означало, что большинство участников боевых действий воевало в тех районах, в которых они выросли. В этом смысле «реинтеграции» как таковой не существовало в том виде, в каком она подразумевается, когда бойцы возвращаются домой с фронта. Что касается заключенных, то их интеграция происходила по-разному в зависимости от того, на чьей стороне воевал заключенный. Заключенные-республиканцы имели гораздо более высокий статус в своих общинах, а также в политическом аппарате «Шинн Фейн», что позволило им перенаправить свою энергию в политическое русло. Заключенные-лоялисты не имели такой широкой поддержки в своих общинах, и довольно часто семьи от них отказывались из-за того, что после освобождения они не получали легальную профессию, например, военного или полицейского. Хотя эти две группы различны, они обе ощущают недовольство из-за того, что судимость не позволяет им устроиться на работу, купить страховку или свободно путешествовать по стране. Они полагают, что ситуация

изменится, если их будут классифицировать как военнопленных, а не как уголовников.

На принятие мирного процесса очень сильно влиял статус заключенных с обеих сторон. Как указывает Джарман, политические заключенные насчитывали 400-500 человек из общего числа 25-30 тыс. заключенных, находившихся в тюрьмах за весь период борьбы с повстанцами. Подавляющее большинство заключенных не было квалифицировано как политические заключенные. Учитывая, что численность населения Северной Ирландии составляет примерно 1,8 млн. человек, количество в 25-30 тыс. заключенных означает, что пострадала практически каждая семья в стране. Кроме того, те, кого осудили за преступления, совершенные до подписания Соглашения Страстной Пятницы, получали максимальный тюремный срок два года, независимо от того, какое преступление было совершено. Однако, их могли выпустить досрочно, но с тем условием, что если потом их обвинят в преступлениях, связанных с сектарианской деятельностью, то их немедленно осудят на полный срок. Такая практика была особенно эффективной в предотвращении возврата к реваншизму бывших членов полувоенных группировок. С тех пор, как была разработана программа досрочного освобождения, очень немногие совершали новые преступления и опять возвращались к полному сроку заключения. Важно отметить, однако, что эта программа ни в коей мере не была амнистией. ПССИ до сих пор расследует преступления, когда появляются новые доказательства – ДНК или другие – так что преступления совершенные, но за которые еще не наступило наказание, висят над головами многих бывших заключенных, мешая им полностью интегрироваться в общество.

В своих интервью бывшие заключенные не рассматривают серьезно угрозу, исходящую из НДР, а также вероятность возобновления враждебных действий. Большинство опрошенных называло их любителями без твердых убеждений, которые, в лучшем случае, занимались позерством. НДР и диссидентские лоялистские группировки рассматриваются как нечто большее, чем просто уголовные банды, маскирующиеся под политические полувоенные организации, чтобы получить легальный статус. У всех сторон конфликта, похоже, наблюдается ситуация, когда желание сохранить мир перевешивает любой другой вариант, независимо от того, как накаляются политические страсти.

Конечно, процесс РДР в Северной Ирландии был проведен для установления этой уникальной обстановки безопасности. Регион наслаждается беспрецедентным миром со времен окончания повстанческого движения, и в этом несомненная заслуга этого процесса и огромных усилий мужчин и женщин, которые хотели прекратить войну и восстановить мир. И хотя время покажет истинную цену достигнутых соглашений, основы мира, заложенные процессом РДР, скорее всего выдержат любые попытки дестабилизации, которые их могут ждать в будущем. □

БОРЬБА МАЛИ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ НА РАЗНЫХ ФРОНТАХ

Мухамед Кейта

Снижение уровня терроризма и насильственного экстремизма в Мали представляется трудной задачей с технической и тактической точки зрения из-за асимметричной природы угрозы и нарастающей сложности геостратегической обстановки в сахело-сахарском регионе.

С 2012 г. внутренняя и внешняя напряженность породили две тенденции в сфере безопасности. Во-первых, количество вооруженных группировок в Мали возросло, и распространение межобщинного насилия ставит под угрозу Соглашение о мире и примирении (СМП). Во-вторых, террористические ячейки распространились по всей территории страны, и эпицентр угрозы переместился с севера в центральную и южную части Мали, где проходят спорадические нападения в районах Мопти, Куликоро и Сикассо, где террористы выбирают своими жертвами посты безопасности, здания местных администраций и запугивают население. Имели место террористические нападения и в столице страны, Бамако.

В конечном итоге ситуация сводится к тому, что контроль за границами государства не был усилен, несмотря на возросшее международное присутствие с 2013 г. Это присутствие включает Многопрофильную комплексную миссию Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА), а также усилия Европейского Союза, Африканского Союза, США и проведенную французскими военными операцию «Бархан» против международного терроризма в регионе Сахел. В такой неспокойной обстановке просто знать своего разнородного противника необходимо, но недостаточно; в наши дни чрезвычайно важно уметь сотрудничать с союзниками и координировать совместные действия. Лучшим способом для правительства Мали координировать региональные и международные инициативы – это разработать всеобъемлющую национальную стратегию борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В МАЛИ

Первостепенная задача правительства Мали в области безопасности состоит в достижении и поддержании

мира с бывшим сепаратистским движением на севере страны – при помощи СМП – и сохранение территориальной целостности страны, защита основных конституционных ценностей, таких как светская и неделимая форма республики, и восстановление полной власти государства на всей территории страны. Борьба с терроризмом и насильственным экстремизмом представляют для правительства страны второй наиболее важный приоритет. Для того, чтобы определить размер этой угрозы в Мали, имеет смысл рассмотреть ее природу и различные измерения.

Терроризм в Мали имеет религиозную природу, основывается на насильственной интерпретации Корана и на призыве к джихаду против неверных и их региональных союзников. На самом деле цели террористов в регионе Сахел и, в частности, в Мали состоят в противостоянии западным ценностям и т.н. марионеточным правительствам в Африке с целью создать в конечном итоге Исламское государство, или халифат, который будет управляться по законам шариата. Считается, что многие сторонники террористов были набраны из членов братства Дава Таблай, которое существует в Мали с 2000 г. и функционирует в качестве инкубатора радикализма и насильственного экстремизма.

Терроризм в Мали имеет как многонациональное измерение, так и чисто местное. С одной стороны, к международному терроризму принадлежат те террористические организации, чьи планы и преступные действия не ограничиваются только Мали. Эти организации представлены тремя основными группировками: Аль-Каида в Исламском Магрибе (АКИМ), Движение за единство и джихад в Западной Африке (ДЕДЗА) и аль-Мурабитун. Последняя группировка, основанная Мохтаром Бель Мохтаром, была наиболее активной в последнее время, она взяла на себя ответственность за нападения на МИНУСМА, на части Вооруженных сил Мали (ВСМ) и на подразделения, проводящие операцию «Бархан» в Мопти, Менака и Гао. Они также взяли на себя ответственность за нападения в Бамако на отель «Радиссон Блю» и отель «Норд-Суд», в котором расположена штаб-квартира Обучающей миссии ЕС в Мали (ОМЕС).

Силы безопасности реагируют на захват заложников в Бамако, Мали, в ноябре 2015 г. Аль-Каида взяла на себя ответственность за это нападение. EPA

С другой стороны, группировка «Ансар аль-Дин», руководимая Иядом Аг Гали и состоящая в основном из этнических туарегов, олицетворяет собой местный терроризм в Мали. Стратегия «Ансар аль-Дин» состоит в том, чтобы сорвать имеющий место мирный процесс, который противоречит её интересам, и распространить свою экстремистскую идеологию на всю страну. Для достижения этих целей Гали в 2015 г. создал две подчиняющиеся ему ячейки – «Катиба Ансар аль-Дин Масина» и «Катиба Халид Ибн Валид» («Южный Ансар аль-Дин»). «Катиба Ансар аль-Дин Масина» управляется Хамадуном Куффа, бывшим радикальным проповедником в регионе Мопри. Эта группировка действует в центре страны и состоит из бывших боевиков ДЭДЗА и сторонников из общины Пеул. «Катиба Халид Ибн Валид» возглавлялась Сулейманом Кейта, бывшим членом Исламской полиции в Тимбакту во время захвата этой территории АКИМ и Ансар аль-Дин в 2012 г., арестованным 5 марта 2016 г. В июне 2015 г. группировка взяла на себя ответственность за нападение на малийских военных и административные здания в деревнях Факола и Миссени в регионе Сикассо возле границы с Кот д'Ивуар.

Совершенно очевидно, что с января 2015 г. межнациональные и местные террористические группировки реорганизовались и стали более опасными, усилились их подрывные действия против военных и сил безопасности Мали и международных партнеров, размещенных в стране для поддержания усилий по стабилизации. В этой связи доклад Генерального Секретаря ООН по оценке ситуации безопасности указывает, что нападения террористов стали более сложными и изощренными, в них сочетается использование самодельных взрывных устройств, минометного огня и организация засад.

ПОДХОД ПРАВИТЕЛЬСТВА МАЛИ

Подход правительства Мали к противостоянию терроризму и насильственному экстремизму основывается на предотвращении нападений и совместном полицейском патрулировании. В том, что касается предотвращения нападений, то правительство реализовывает пятилетнюю стратегию, называемую «Правительственная программа действий 2013-2018» (ППД), нацеленную на то, чтобы ликвидировать глубинные причины кризисов безопасности и государственных институтов 2012 г., включая напряженность в северной части Мали, развал общественных институтов, повальную коррупцию, ухудшение условий жизни населения и потерю моральных ценностей в обществе. Желаемым результатом было бы восстановление государства силами всех малийцев как единой нации. Основываясь на общеправительственном подходе, ППД состоит из шести стратегических концепций:

- Создание сильных и авторитетных институтов.
- Восстановление безопасности граждан и их собственности по всей стране.
- Реализация инициативной политики

национального примирения.

- Восстановление школ в Мали.
- Создание устойчивой экономики.
- Реализация активной политики социального развития.

Более того, для того, чтобы эффективно бороться с радикализмом и насильственным экстремизмом, в 2012 г. было образовано Министерство по делам религии и богослужения (МДРБ) для обучения имамов. Самым крупным достижением было подписанное в 2013 г. Соглашение об исламском сотрудничестве с марокканским министерством по делам хабуса и ислама. Цель этой т.н. исламской дипломатии в том, чтобы пропагандировать просвещенный способ исповедования ислама, основанный на терпимости. В результате 500 малийских имамов должны будут завершить двухгодичный курс обучения умеренному исламу.

Одновременно с этим МДРБ сотрудничает с Исламским Высшим Советом и Ассоциацией имамов Мали с целью начать кампанию контрнарративов под названием «Мали Кума Ка» на местном наречии («Голос Мали»). Цель этой кампании в том, чтобы сорвать процесс вербовки новых членов, особенно среди уязвимой части молодежи, межнациональными и местными террористическими группировками. Короткие видеоматериалы с контрнарративами на местном диалекте транслируются по телевидению, выставляются на YouTube и Фейсбук. Они начинаются с шокирующих кадров того, как экстремисты терроризируют гражданское население, чтобы продемонстрировать, насколько разрушительными и опасными могут быть эти группировки. Малийские религиозные лидеры объясняют на местном диалекте, как эти действия идут вразрез с постулатами Корана. После бесед с изуродованными жертвами террористической оккупации северной части Мали в 2012 г. видеопослания заканчиваются ключевыми сообщениями, такими как «В исламе человек является священным» или «В исламе убийство одного человека считается убийством всего человечества».

Подход правительства Мали основывается на совместном полицейском патрулировании, которое определяется как совместная работа всех правоохранительных органов в сотрудничестве с подразделениями союзных сил на национальном и региональном уровне и завоевание доверия у местного населения путем обеспечения спокойной и безопасной обстановки внутри страны и за ее пределами. В результате местное население получает выгоды от полицейского патрулирования, основанного на принципах реагирования, сотрудничества, мобилизации и решения проблем населения. Иными словами, совместное полицейское патрулирование состоит в совместном обеспечении безопасности с участием всех соответствующих государственных органов, гражданского общества и общин – концепция разработанная и популяризированная посредством СМИ правительством Мали в сотрудничестве с Программой развития ООН (ПРООН). Она действует в

юридических рамках закона от 2008 г., наказывающего за террористическую деятельность, и за последние три года привела к арестам большого числа террористов, осуществленных либо Силами национальной полиции, либо жандармерией при поддержке национальных или международных партнеров. На севере страны с террористами борются при помощи операций «найти и уничтожить» или «найти и зачистить», которыми руководят хорошо вооруженные и обученные в ОМЕС подразделения ВСМ совместно с подразделениями операции «Бархан» и МИНУСМА.

В ответ на отсутствие четкого руководства и координации подразделений безопасности специального вторжения во время кризисных ситуаций в декабре 2015 г. Министерство безопасности и гражданской обороны (МБГО) приняло «Протокол об использовании подразделений специального вторжения», которые состоят из полиции, жандармерии, Национальной гвардии и Гражданской обороны. В результате, руководителем операции выбирается орган в зависимости от ситуации, а ответственность подразделений распределяется в зависимости от развития кризисной ситуации, имеет ли она место в городской местности, в сельской или в пустыне.

В качестве еще одной новаторской меры может служить создание Операционного центра МБГО как ключевого элемента протокола управления кризисными ситуациями. Центр несет ответственность за:

- назначение подразделения вторжения и направление его в район вторжения;
- брифинг командира подразделения относительно сложившейся ситуации;
- активизацию средств и ресурсов, необходимых для поддержки подразделения вторжения.

Протокол также содержит план обеспечения безопасности Бамако для минимизации последствий террористического нападения, включая меры по защите ключевых объектов инфраструктуры.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Мали приняла участие в ряде региональных инициатив, относящихся к терроризму и насильственному экстремизму в Сахел. В 2010 г. был создан Объединенный комитет военных штабов (ОКВШ) силами четырех стран – Алжира, Мали, Мавритании и Нигера. Основная цель была укрепить сотрудничество этих государств в области обороны и безопасности путем разрешения преследовать преступников по горячим следам через линии границ и обмена развединформацией при помощи Подразделения интеграции, связи и взаимодействия. К сожалению, работа ОКВШ до сегодняшнего дня имела очень ограниченные результаты; этот орган превратился в «говорильню» и так ни разу и не скоординировал усилия стран в реальной ситуации.

С марта 2013 г. Африканский Союз реализовывает стратегию для региона Сахел под названием «Процесс Нуакшот», цель которой состоит в укреплении

региональной безопасности путем обмена разведывательной информацией и совместным наблюдением. Кроме того, Миссия Африканского Союза в Мали и регионе Сахел, политическая миссия, возглавляемая бывшим президентом Бурунди Пьерром Буйойя, мобилизует государства на реализацию «Процесса Нуакшот» и помогает координировать различные региональные инициативы.

Новые региональные инициативы включают создание организации «Г5 Сахел», состоящей из пяти членов: Мали, Мавритания, Буркина Фасо, Нигер и Чад. Г5 была создана в 2014 г. с целью снижения бедности и преступности. Она помогает членам совершенствовать координацию усилий при разработке прибыльных программ и политики безопасности, таких как обмен развединформацией, совместное патрулирование границ и совместное военное обучение. При финансовой поддержке ЕС Г5 приняла амбициозную программу высокоприоритетных инвестиций (на общую сумму 14,8 млрд. долл. США) в ряд проектов в регионе.

Последняя программа Г5, но отнюдь не менее важная, чем другие, была принята в 2015 г., и ее цель – бороться с радикализацией и насильственным экстремизмом в регионе Сахел при помощи различных мер, включающих противодействие экстремистским выступлениям, направленным на уязвимые группы; подготовку религиозных лидеров к противодействию радикализации; стимулирование роли женщин и гражданского общества в предотвращении насильственного экстремизма и борьбе с ним; создание социально-экономических возможностей занятости для безработной молодежи; и структуризация религиозного образования.

Что касается национального уровня, то в 2016 г. правительство Мали организовало двухдневную национальную конференцию для того, чтобы обсудить Национальную стратегию по борьбе с терроризмом (НСБТ). Это мероприятие, проходившее при поддержке Агентства по международному развитию США и ПРООН, было нацелено на то, чтобы объединить общеправительственный подход к борьбе с терроризмом с подходом всего общества путем совместной работы ключевых компонентов гражданского общества, служб национальной безопасности, оборонного сектора и международных партнеров. Совместными усилиями они должны были выработать рекомендации относительно борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом. Участники конференции разделились на пять тематических групп:

- Терроризм и насильственный экстремизм: концепции, типы, причины и возможные ответы.
- Система образования в Мали и проблема радикализации: какие могут быть решения?
- Радикализация заключенных в тюрьмах.
- Важность межрелигиозного и внутрирелигиозного диалога, обучение имамов, контроль за проповедями и роль СМИ в борьбе против терроризма и насильственного экстремизма.
- Защита населения, находящегося в группе риска.

У солдата на форме нашивка, указывающая на французскую антитеррористическую операцию «Бархан» в африканском регионе Сахел, провинция Гао в северной части Мали. AFP/GETTY IMAGES

Конференция не завершилась выработкой проекта стратегии, но каждая тематическая группа предоставила свои рекомендации.

Необходимо начать предложенные законодательные и институциональные реформы. Следует отметить, что НСБТ не будет эффективной без пересмотра закона 2008 г., предусматривающего наказание за террористическую деятельность в Мали. На самом деле, многие эксперты считают, что в этот закон должны быть включены дополнительные положения, в частности, в отношении иностранных боевиков-террористов. Важный шаг был предпринят в 2013 г., когда Национальная Ассамблея создала Специальную законодательную группу по вопросам терроризма и межнациональных преступлений. Эта новая структура действует и сегодня и состоит из специализирующихся в этой области прокуроров, специализированной группы расследования и Специальной бригады расследования, состоящей из офицеров жандармерии и полиции, призванных бороться с терроризмом. Новая законодательная архитектура имеет свои сильные стороны, поскольку она подтверждает роль правоохранительных органов в борьбе с терроризмом и помогает централизовать и скоординировать действия прокуратуры.

И наконец, как уже и предлагалось в Соглашении о мире и перемирии, правительство должно настаивать на принятии закона, создающего силы территориальной полиции, и указа, обязывающего организовать местные консультативные комитеты безопасности; обе эти структуры должны быть на региональном уровне. Они будут играть ключевую роль в предотвращении и подавлении терроризма и насильственного экстремизма путем обеспечения более высокой степени сотрудничества

между полицией и местным населением, и создания условий для более прочной социальной сплоченности.

И в заключении – как представляется, для того, чтобы эффективно вести борьбу против терроризма и насильственного экстремизма, правительство Мали должно выполнить три условия. Первое и самое главное условие состоит в том, чтобы все предусмотренные СМП политические и социальные договоренности, а также договоренности в сфере безопасности должны быть реализованы для того, чтобы создать национальный фронт борьбы с терроризмом, насильственным экстремизмом и любыми формами преступности, особенно на севере страны. Во-вторых, чтобы быть эффективной, Национальная стратегия борьбы с терроризмом должна быть гибкой и уметь адаптировать свои задачи, стратегические концепции и национальные инструменты власти под изменяющуюся международную и внутреннюю ситуацию. Однако, на сегодняшний день основным приоритетом для правительства должно быть составление проекта документа, согласование его со всеми заинтересованными сторонами – включая гражданское общество – и окончательное принятие его на национальном уровне. В-третьих, путь к успеху неизбежно лежит через сотрудничество и координацию на национальном, региональном и международном уровнях с участием всех заинтересованных сторон, участвующих в борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом в сахело-сахарском регионе. □

Взгляды и мнения, высказанные в этой статье, принадлежат исключительно автору и не обязательно отражают официальную политику или позицию какого-либо правительственного учреждения Мали. Таким образом, предположения, сделанные в данном анализе, не отображают позицию ни одного из ведомств правительства Мали.

ИЗВЛЕКАЯ ПОЛЬЗУ ИЗ

ХАОСА

*Ридван Бари Уркоста
Институт международных отношений,
Варшавский университет*

РОССИЯ СОЗДАЕТ «ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРИУМВИРАТ» С ИРАНОМ И ТУРЦИЕЙ?

С момента падения Берлинской стены и до 2014 г. Запад и мировое сообщество были основными гарантами при урегулировании международных разногласий. Однако, похоже, что сегодня в мировой политике возрождаются старые правила. В результате, в мире происходит что-то бесконтрольное и непостижимое, делая будущее намного менее предсказуемым. Мירוустройство, сложившееся после Второй мировой войны, изменилось, сферы геополитического влияния смещаются, хаос становится реальностью. Рассудите сами: Россия становится лидером в восточном Средиземноморье; Китай занимает

более агрессивную позицию в Южно-Китайском море и в других морях, бросая вызов стабильности мирового порядка; нынешний социальный и политический

внутренних геополитических пертурбаций, начиная от кризисной ситуации с иммигрантами, «Брекзита» и заканчивая изменившимися отношениями Польши с Брюсселем и другими членами ЕС, такими как Германия и Франция.

История учит, что когда страны ищут новых союзников или хотят заключить пакт о ненападении, это сигнализирует о переменах в мировой политике. Россия, в частности, хочет привести тектонические изменения в систему международных отношений. При любой тектонической трансформации тот мир, который поддерживает существующий порядок, ломается, и похоже, что Россия готова на это пойти. Ее нынешняя стратегическая цель в том, чтобы изменить конфигурацию региональной системы. Россия полагает, что, достигнув этой промежуточной цели, она со временем сможет достичь и своей конечной цели – изменить конфигурацию более обширной мировой системы. Ее вредоносная деятельность на Ближнем Востоке направлена на то, чтобы образовать союзы с двумя региональными державами, а именно Ираном и Турцией. Цель состоит в том, чтобы со временем создать первую функционирующую коалицию в Евразии, которая совместно с Организацией Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) будет служить в качестве

На фотографии, сделанной Министерством обороны России, изображен пилот российского бомбардировщика Су-25 во время заправки на базе ВВС Хмеймим в Сирии в 2016 г. Россия уже пять месяцев осуществляет воздушные удары в Сирии. АССОШТЭЙТЕД ПРЕСС

климат в Соединенных Штатах может заставить Вашингтон сосредоточить больше внимания на внутренних проблемах, чем на международных спорах; и, наконец, Европа стоит перед лицом

альтернативы системе безопасности Запада. ОДКБ создана с целью быть своеобразным «поясом безопасности» вдоль южных границ России. Новый союз с Ираном и Турцией будет создан для того, чтобы перевернуть сферы влияния на Ближнем Востоке. Даже если Кремлю не удастся создать эти новые союзы, он все равно попытается изменить обстановку безопасности, подписав пакты о ненападении с соседними странами.

ПЕРЕГОВОРЫ В АСТАНЕ

Недавние переговоры в столице Казахстана Астане представляют собой тестирование российской политики, которую мы видим в Сирии. С начала своей военной кампании в Сирии Россия смогла откорректировать свои геополитические цели таким образом, чтобы они совпадали с интересами Ирана. Однако, из-за ситуации в Сирии, отношения России и Турции носят более драматический характер. В отношениях между Анкарой и Москвой были периоды напряженности и периоды потепления. В результате они пытаются преодолеть взаимные обиды и установить тесные отношения.

Следует отметить, что до сегодняшнего дня многочисленные попытки обеих стран создать союз омрачались глубокой взаимной подозрительностью. Однако, Россия легко не сдается. Сергей Караганов, глава российского Совета по внешней и оборонной политике, говорит, что Россия разрабатывает «стратегическое видение и стратегическое терпение», что как раз отсутствует в генеральной стратегии Запада.

Со времен окончания «холодной войны» Россия пытается реализовать свои собственные планы в международных отношениях. 2016 г. был триумфальным для дипломатии России, Ирана и Турции и позорным для Европы и США, когда Совет Безопасности ООН принял Резолюцию №2336. После этого Россия и ее союзники разработали еще несколько совместных документов:

- Заявление, устанавливающее режим прекращения огня в Сирийской Арабской Республике.
- Соглашение о механизме фиксирования нарушений режима прекращения огня.
- Соглашение о формировании делегаций с целью начать переговоры о политическом урегулировании.

Последний документ на самом деле нацелен на то, чтобы начать предварительные переговоры с Турцией. В соответствии с этими документами, Иран, Турция и Россия выступают гарантами территориальной целостности Сирии. На сегодняшний день единственным заметным достижением нового «евразийского триумvirата» после встречи в Астане является создание трехстороннего механизма наблюдения и обеспечения полного соблюдения режима прекращения огня в Сирии, результаты которого пока еще неясны. Однако, это означает, что впервые после окончания «холодной войны» Россия взяла на себя ведущую роль «инженера» региональной системы безопасности. До переговоров в Астане было ясно, что Россия хотела бы, чтобы чиновники высокого ранга из

Вашингтона также приняли участие, давая понять, что Кремлю не хотелось бы играть ведущую роль в этом процессе. Но сейчас Москва попытается довести до конца мирный процесс, который она инициировала. Кремль готов выйти за пределы своих ближайших национальных интересов и представить Ирану и Турции пакет предложений, который, по сути, нацелен на то, чтобы разделить Сирию на несколько сфер влияния с участием Турции, Ирана и режима сирийского президента Башара Асада. На практике одобрение новой Конституции Сирии введет в стране своеобразную форму федерализации.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

Последствия возможного создания геополитической оси Москва-Анкара-Тегеран будут довольно значительными; национальные интересы трех стран сталкиваются, такие же столкновения знала и история развития этих стран. Россия настойчиво добивается создания нового геополитического альянса, но его успех будет зависеть от желания всех троих участников пересмотреть свои национальные интересы и прийти к какому-то общему знаменателю.

Например, до сегодняшнего дня Россия преследовала свои собственные цели: во-первых, сохранить авторитарный режим Асада; и во-вторых, узаконить военное присутствие Москвы в Сирии. В январе 2017 г. Россия и Сирия подписали важное соглашение, продлевающее доступ российских кораблей к сирийской военно-морской базе Тартус и военных самолетов к базе ВВС Хмеймим на 49 лет с правом продления еще на 25-летний период. С учетом продления договора Россия точно создает себе государство-клиента на Ближнем Востоке. Создав себе геополитическую точку опоры в регионе, Москва может занять более гибкую позицию на переговорах с Анкарой и Тегераном. Третья цель состоит в том, чтобы вытеснить Запад с Ближнего Востока или, по крайней мере, снизить его доминирование в регионе.

У трех стран схожая история. Все три когда-то были империями, и как таковая, каждая имела конфликты с двумя другими. У Ирана, Турции и России специфическое отношение к Западу. У этих трех стран имеется укоренившееся недовольство в отношении Запада, и Россия искусно манипулирует политической элитой и СМИ, чтобы еще больше подогреть это недовольство. В первое десятилетие «холодной войны», когда Турция и Иран (в 1955-1979 гг.) были членами Организации центрального договора, они вместе противостояли Советскому Союзу, чтобы сдерживать его амбиции вдоль его южных границ.

В XXI веке происходит нечто такое, что раньше было бы трудно себе представить – член НАТО (Турция) проводит военные учения с Россией и совместные военные операции против общего противника, Исламского государства. Что характерно, это первая совместная операция Анкары и Москвы с конца XIX века, когда Оттоманская империя и Россия вместе воевали против Наполеона. Интересно, что турецкий истребитель сбил

Судно Береговой охраны Турции сопровождает десантное судно российского ВМФ «Азов» в проливе Босфор по пути к Средиземному морю. Май 2017 г.

РЕЙТЕР

российский военный самолет возле сирийско-турецкой границы в 2015 г. в то время, когда обе страны участвовали в сирийском конфликте. В союзе этих двух стран противоречия и парадоксы сплошь и рядом, однако прагматизм является наиболее сильной мотивацией.

Посланник Путина на переговорах в Астане, Александр Лаврентьев, оценил переговоры как новую попытку принести мир в Сирию. Однако, международный имидж России как посредника между враждующими сторонами может завершиться неловким недоразумением. Москва неустанно критиковала Запад, и особенно США, за неспособность принести мир на Ближний Восток. Если Россия не сможет мирно разрешить конфликт в Сирии, это будет удар по ее престижу и ее многолетним попыткам утвердиться в качестве великой державы. Имеются сомнения относительно того, есть ли у России достаточно политической, экономической и военной мощи, чтобы справиться с такой грандиозной задачей. Россия чувствует, что ее власть ограничена даже в т.н. «ближнем зарубежье», а для того, чтобы справиться с таким сложным регионом, как Ближний Восток, России нужны гораздо большие ресурсы, чем те, что у нее есть. При помощи своей стратегии создания «триумвирата» Россия пытается распространить свое влияние за пределы «ближнего зарубежья».

Прагматизм заставляет эти три государства объединять силы на Ближнем Востоке. Иран оберегает свои национальные интересы в Сирии, усиливая шиитское влияние в восточном средиземноморье, одновременно позволяя России реализовывать свои экспансионистские амбиции. Турция надеется при помощи этого альянса сдерживать курдов, а также получает доступ к переговорам относительно будущего Сирии. Исключение Турции из переговоров относительно иракского города Мосул, возможно, может послужить объяснением, почему Анкара присоединяется к союзу Тегерана и Москвы. Ирану и России нужна Турция для того, чтобы умиротворить

военные группировки суннитов в Сирии. Без участия Анкары будет невозможно достичь продолжительного прекращения огня. Ни Турция, ни Россия не хотят создания «Иранского наземного коридора», соединяющего Иран с шиитами в Сирии и Ливане. Такой план может подорвать национальные интересы Турции и России. России нужен Иран, хотя будет нелегко совместно с Тегераном присоединиться к конфликту. Альянс с Турцией дает гораздо больше возможностей для маневра.

Замысел генеральной стратегии России, помимо получения постоянного доступа к восточному средиземноморью, заключаются в защите своих южных границ на случай возникновения военной конфронтации с НАТО. Еще одна причина, по которой Россия стремится создать «триумвират» – это подорвать членство Турции в НАТО. Россия стремится создать прочную геостратегическую ось; однако, более реалистичным результатом может быть подписание юридически обязывающих соглашений о ненападении с Ираном и Турцией. Также как Советский Союз до Второй мировой войны, Россия пытается окружить себя союзами, чтобы предотвратить конфликты на всех направлениях.

Чтобы бросить вызов российским планам на Ближнем Востоке, США со своими союзниками и партнерами должны разработать стратегию, которая бы и дальше привлекала Турцию к тесному сотрудничеству с Западом. Без Турции Россия обречена на то, чтобы застрять в долгосрочной конфронтации с ИГИЛ в Сирии. Если Западу удастся улучшить отношения с Турцией, то это разрушит российские устремления создать прочную геостратегическую ось с Анкарой и Тегераном. Россия смогла мастерски использовать разногласия в стратегиях США и Турции относительно сирийского конфликта, используя слабость Вашингтона и Запада, чтобы манипулировать конфликтом, и будет использовать эти и другие разногласия в будущем для защиты своих интересов. □

ВОССТАНАВЛИВАЯ СВЯЗИ

ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ИНДИИ В АФГАНИСТАНЕ

Д-р Винай Каура

факультет международных отношений и
исследований безопасности, Университет
им. Сардара Патела

«Дамба афгано-индийской дружбы», стоимостью 300 млн. долл.
США, построенная Индией, начала функционировать в провинции
Герат в Афганистане в июне 2016 г. ЕРА

После победы над Талибаном в 2001 г. Индия возобновила связи с Афганистаном и начала предоставлять Кабулу значительную помощь в сфере развития и реконструкции. Соглашение о стратегическом партнерстве, подписанное в 2011 г., еще больше укрепило двусторонние связи. По этому соглашению, Индия оказывает Афганистану помощь в восстановлении инфраструктуры и институтов, а также поддержку процесса восстановления мира и согласия в этой стране. Соглашение также поддерживает оказание помощи Афганистану со стороны мирового сообщества. Правительство премьер-министра Индии Нарендры Моди отношениям между Дели и Кабулом уделяет особое внимание. Поставка Афганистану вертолетов Ми-25 с одобрения России свидетельствует о начале новых отношений между ними; однако, роль Индии в укреплении военной мощи Афганистана является очень чувствительной темой из-за настоятельных возражений Пакистана.

Фактор Пакистана в афганском конфликте вызывает значительную озабоченность Индии в плане национальной безопасности. Пакистан считает, что в его национальных интересах было бы возрождение Талибана или даже его приход к власти в Афганистане, в то время как Индия по-прежнему опасается возможной враждебности Талибана и его отрицательного влияния на индийско-афганские отношения. У Индии есть одна чрезвычайно важная стратегическая задача в Афганистане: не допустить возвращения радикального или враждебного режима. Таким образом, сокращение американского военного присутствия в Афганистане и продолжающиеся усилия по узакониванию и повторному введению Талибана в правительственные структуры Афганистана негативно сказываются на обстановке безопасности Индии. Эти действия имеют далеко идущие последствия для интересов Индии в Афганистане и в Кашмирской долине.

Соединенные Штаты выслушали озабоченность Индии относительно американской политики в регионе, но ответили на неё уклончиво. Хотя Индия также обсуждает вопрос решения конфликта в Афганистане и с Китаем, индийские политики понимают, что озабоченность Пекина в отношении Афганистана в основном ограничена Исламским движением Восточного Туркестана в районе афгано-пакистанской границы. Индия также не может игнорировать интересы России в укреплении ее отношений с Пакистаном. Для Индии крайне важно мобилизовать все свои ресурсы и переориентировать свою политику в Афганистане, при этом плотно сотрудничая с администрацией президента Дональда Трампа для обеспечения защиты своих интересов в этом неспокойном регионе.

Индия по-прежнему возражает против введения вооруженной группировки Талибан в состав правительства Афганистана. Прежде чем это случится, Талибан

должен научиться соблюдать все международные «красные линии» и отказаться от насилия и терроризма. Однако, если Вашингтон продолжит полагаться на Пакистан и Россию и понизит степень своей враждебности по отношению к Талибану, то тогда Индия может оказаться в региональной изоляции.

Во время переговоров на высоком уровне в Москве в декабре 2016 г. представители России, Китая и Пакистана обсуждали вопросы безопасности в Афганистане. В их совместном заявлении сказано: «Российская Федерация и Китайская Народная Республика, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, подтвердили свой гибкий подход к вопросу исключения афганских граждан из санкционного списка ООН, поскольку они вносят свой вклад в усилия, направленные на начало мирного диалога между Кабулом и Талибаном». Отсутствие на встрече афганского представителя породило разногласия относительно намерений России. Кабул категорически возражал против того, что его не пригласили, и США также поставили под вопрос соображения России при организации переговоров. Эта критика подтолкнула Москву к тому, чтобы включить Афганистан и Индию в переговоры, прошедшие в феврале 2017 г. Во время этих переговоров министр иностранных дел Индии, не называя прямо Пакистан, поддержал отказ «в убежищах и безопасных пристанищах любой террористической группировке или любому террористу в странах нашего региона» в качестве чрезвычайно важного фактора для стабилизации обстановки в Афганистане.

Москва рассматривает Талибан в качестве полезного партнера в борьбе против ИГИЛ. Российского президента Владимира Путина уже давно беспокоят джихадисты из бывших советских республик, которые присоединились к ИГИЛ в Сирии. По этой причине Россия считает ИГИЛ большей угрозой, чем Талибан. В январе 2016 г. специальный представитель Путина в Афганистане Замир Кабулов откровенно признал: «Интересы Талибана объективно совпадают с нашими. Представители Талибана как в Афганистане, так и в Пакистане заявили, что они не признают ИГИЛ и не признают лидера ИГИЛ аль-Багдади в качестве калифа; это очень важно. У нас есть каналы связи с Талибаном для обмена информацией». В своем обращении к Совету Безопасности ООН в сентябре 2016 г. постоянный представитель России в ООН подчеркнул, что США и НАТО несут ответственность за ухудшение ситуации в Афганистане, добавив, что убийство лидера Талибана Муллы Ахтар Мансура укрепило позиции экстремистских группировок в Афганистане, таких как ИГИЛ. Отметая обвинения в сотрудничестве с Талибаном, российский посол в Афганистане Александр Мانتыцкий заявил, что официальные представители США и Афганистана «пытаются переложить вину за свои неудачи на наши плечи». Кабулов охарактеризовал

Талибан как «местное, базирующееся в Афганистане» и «преимущественно национальное военно-политическое движение». И хотя усилия России по установлению мира в Афганистане приветствуются, ее неприкрытые контакты с Талибаном порождают скептицизм в Кабуле и Дели. Россия, однако, утверждает, что ее «ограниченные контакты с Талибаном ... нацелены на обеспечение безопасности российских граждан в Афганистане и на призыв к Талибану присоединиться к национальному процессу примирения под руководством Кабула и на основе трех хорошо известных принципов: признании Конституции Исламской Республики Афганистан, разоружении и прекращении его связей с ИГ, Аль-Каидой и другими террористическими организациями».

Попытки правительства президента Афганистана Ашрафа Гани прийти к политическому урегулированию с Талибаном не привели к успеху. Попытки США убедить пакистанское правительство отказывать в предоставлении убежища повстанческим группировкам, дестабилизирующим Афганистан, и особенно афганскому Талибану и его известного своей жестокостью союзнику «Сеть Хаггани», также провалились. Количество американских войск в Афганистане в июле 2017 г. составляло всего 8 тыс. 400 человек, что является самым низким показателем с начала афганской кампании, хотя Трамп и обещал увеличить американский контингент, но при этом не сказал, насколько. Правительство Гани приветствует обещания оказать дополнительную помощь по мере того, как рост числа нападений на мирных афганских граждан, на силы безопасности и на государственные объекты инфраструктуры свидетельствует о возросшей силе Талибана и других террористических группировок. В 2016 г. афганская армия и полиция потеряли 6 200 человек, и подсчеты показывают, что количество жертв среди полицейских в 2-4 раза превышает количество новобранцев в ряды полиции. По оценкам ООН, в 2016 г. было убито 3 498 и ранено 7 920 афганских мирных граждан. Хотя правительство Афганистана попыталось реформировать силы безопасности, эти попытки были отодвинуты на второй план политическими спорами между президентом Гани и главой правительства Абдуллой Абдуллой. Некомпетентное командование, низкий уровень подготовки бойцов, повальная коррупция и недостаточная поддержка с воздуха превратили удержание территорий для афганских сил безопасности без помощи иностранных войск в очень трудную задачу. Именно поэтому так важно увеличить количество американских войск в Афганистане.

В настоящее время Индия не является основным игроком в политическом раскладе Афганистана, она в основном сосредоточена на проектах реконструкции и развития. Не находясь в близких отношениях ни с Пакистаном, ни с Талибаном, Индия находится в стороне от нынешних мирных переговоров. Новая американская администрация, похоже, не хочет перестать делать видимость сотрудничества с Исламабадом, поскольку она полагает, что это подорвет американские

интересы в Пакистане. Учитывая жизнестойкость повстанцев Талибана и неспособность афганского правительства защитить себя, такой разрыв в американо-пакистанских отношениях вряд ли произойдет в ближайшее время. Более того, решительный политический курс России в отношениях с Пакистаном и Афганистаном представляет очень большую проблему для Индии в долгосрочной перспективе. Из-за быстро ухудшающейся ситуации в Афганистане и изменений стратегической динамики, Индия должна формировать свою политику, учитывая все возможные варианты. В расчет следует принимать следующие факторы:

- Поскольку Пакистан построил свою идеологию национального самосознания вокруг ислама, пакистанские руководители упорно продолжают придерживаться концепции панисламизма. Пакистан вряд ли откажется от поддержки движения джихада без фундаментальной переориентации своей основополагающей идеологии. Таким образом, ожидание радикальных изменений в стратегической ориентации Пакистана по отношению к террористическим группировкам вызовет только разочарование у Афганистана, Индии и США.
- Нет свидетельств того, что возрастающее участие Китая в экономических и политических делах Афганистана со временем даст Пекину мотивацию для оказания давления на Пакистан, чтобы вынудить его органы безопасности разорвать все отношения с террористическими группировками. Вряд ли международное сообщество единым фронтом выступит против нынешней политики Пакистана, поскольку уже сейчас появляются серьезные разногласия среди крупных держав относительно того, как решать афганскую проблему.
- Вряд ли США так просто уйдут из Афганистана, поскольку Вашингтон вложил беспрецедентное количество денег и человеческих ресурсов в эту страну. Однако, администрация Трампа наблюдала, как Россия, Китай и Пакистан берут вопрос об Афганистане в свои руки, и ничего не сделала, чтобы предотвратить это. Поэтому в интересах Индии продолжать поддерживать дипломатические связи с Россией и Китаем, несмотря на то, что их не интересует обеспокоенность Индии относительно Афганистана.
- В интересах США продолжать поддерживать дружественные отношения с Пакистаном из-за чрезвычайно важного геостратегического расположения этой страны. Решение США выйти из Афганистана и оставить его на попечение Пакистана привело к тому, что Пакистан стал основным «игроком» в определении будущего Афганистана. Хотя администрация Трампа рассматривает возможность ужесточения позиции в отношении Пакистана, остается неясным, будет ли она продолжать политику администрации Обамы или предпримет другой подход к роли Пакистана в Афганистане.

Афганский военнослужащий осматривает вертолет МИ-25 российского производства, стоящий на вооружении афганских ВВС. Афганистан приобрел у Индии четыре таких вертолета. ЕРА

Президент Афганистана Ашраф Гани, слева, и премьер-министр Индии Нарендра Моди встретились в Дели в сентябре 2016 г. При Моди Индия укрепила связи с Афганистаном и увеличила помощь этой стране, направленную на повышение безопасности и на проекты развития. AFP/GETTY IMAGES

- Дели необходимо продолжать отвечать на часто повторяющиеся утверждения Пакистана о том, что давление Индии на его западных границах отвлекает пакистанскую армию от решительных действий против повстанцев на восточных границах с Афганистаном. Этот аргумент помогает Пакистану избежать осуждения за его пособничество афганскому Талибану.
- Некоторые в Пакистане утверждают, что мотивация его помощи террористическим группировкам в Афганистане состоит в том, чтобы избежать возмездия со стороны этих группировок. Индия должна настойчиво отвергать эти неверные утверждения, поскольку они призваны ввести в заблуждение мировую общественность.
- Если Пакистан хочет играть роль влиятельного партнера в Афганистане, то ему необходимо решительно отойти от своей традиционной политики в отношении Афганистана. Пакистану необходимо уделять больше внимания проектам реконструкции и развития в Афганистане. Поскольку для установления безопасности и стабильности в стране требуется участие и Пакистана, афганцы с благодарностью воспримут участие Пакистана в проектах реконструкции. По официальным и неофициальным каналам Индия должна дать понять, что если Пакистан искренне хочет помочь Афганистану, то в лице Индии он найдет надежного помощника.

Так как Пакистан занимает центральное место в военных усилиях США в Афганистане, и в этой стране уже находится значительный контингент западных стран, Индия решила ограничить свою роль в афганском

конflikте. Поскольку такая ситуация рано или поздно изменится, Индия должна выработать четкую позицию в отношении Афганистана. В августе 2017 г. Трамп призвал Индию занять более активную позицию в Афганистане, особенно в плане экономической помощи и развития.

Сосредоточиваясь на создании сильного и прочного афганского государства и его сил безопасности, индийские политики должны серьезно пересмотреть свою традиционную оппозицию возрождению Талибана и интеграции его в правительственные структуры Афганистана, поскольку стало ясно, что победить повстанцев Талибана одними только военными методами невозможно. Кроме того, некоторые элементы Талибана хотели бы установить канал связи с Индией; это бы совпало с интересами Индии в Афганистане – установить тайные осторожные контакты с Талибаном, в то же время не признавая открыто легитимность этой группировки.

Сделать такие резкие повороты в политике будет трудно. Вместе с тем, руководство Индии будет стратегически в проигрыше, если оно и дальше будет придерживаться стратегии, которая не работает. Для Индии важно понять плюсы более широкого политического подхода в Афганистане, который включает переговоры с Талибаном. Если трио Россия-Китай-Пакистан преуспеет в переговорах и придет к урегулированию отношений с Талибаном без учета опасений Индии, это негативно скажется на интересах Индии – но эти самые интересы окажутся под большей угрозой, если повстанцы Талибана будут захватывать все новые позиции после ухода американских войск из Афганистана. Индия и США вместе могут сделать намного больше для установления долгосрочной безопасности в Афганистане, чем идя по отдельности, хотя и параллельными, но все же разными путями. □

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Хорватия адаптируется к изменяющемуся миру

Дамир Крстичевич, Анита Перешин и Анто Зелич

ФОТОГРАФИИ: РЕЙТЕР

Новая Стратегия национальной безопасности Хорватии определяет основные интересы национальной безопасности и способы их обеспечения. Предыдущая стратегия была принята в 2002 г., когда Хорватия присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира» в качестве первого шага на пути вступления в НАТО и Европейский Союз. Несмотря на новые вызовы в сфере безопасности, большие перемены в системах безопасности и обороны, укрепление международных позиций Хорватии и присоединение к НАТО (2009 г.) и к ЕС (2013 г.), Стратегия национальной безопасности не менялась в течение 15 лет. Причиной этому можно назвать отсутствие политического консенсуса по ряду важных вопросов и то, что обновлению такого важного документа не уделялось того внимания, какого оно заслуживало, хотя в 2010 г. и в 2012 г. были безуспешные попытки внести изменения.

Появление транснациональных угроз, таких как терроризм, хаотичная миграция населения, гибридная война, а также более частые стихийные бедствия (особенно наводнения и крупные пожары) потребовали внесения изменений в систему национальной безопасности и более четкого определения

национальных интересов и стратегических целей. Более того, необходимо было приспособить саму концепцию безопасности к новым вызовам в этой сфере. По этим причинам в ноябре 2016 г. правительство Хорватии начало процесс разработки новой Стратегии национальной безопасности, которая бы проанализировала ситуацию с национальной и международной безопасностью, откорректировала видение Хорватии на длительную перспективу, установила национальные интересы, стратегические цели и механизмы их достижения и заложила бы основы для более эффективной системы безопасности страны. За этим процессом последовала заявка на разработку Закона о внутренней безопасности, который объединит все национальные силы, необходимые для эффективного и скоординированного управления проблемами безопасности и кризисными ситуациями.

При наличии такой заявки, Стратегия национальной безопасности приобрела дополнительную значимость как документ, который заложит для Хорватии основы достижения целей национальной безопасности, а также готовности в любое время – в качестве ответственного члена НАТО и ЕС – принять участие в совместных действиях и операциях, когда придется отвечать на вызовы общей безопасности.

Разработка

Разработка новой Стратегии национальной безопасности началась с создания в ноябре 2016 г. Координационного комитета и разделения процесса на два этапа. Первый этап начался с аналитической работы в министерствах и ведомствах, имеющих отношение к вопросам национальной безопасности, с целью определить тенденции безопасности и вызовы на различных уровнях, от глобального и регионального до внутреннего. Для выявления пробелов и слабых мест в существующей системе национальной безопасности и внесения предложений относительно путей реагирования на вызовы, угрозы, риски и возможности был проведен межведомственный анализ.

Кроме того, имели место межведомственные обсуждения, во время которых обменялись мнениями более 150 экспертов из различных министерств и ведомств, частного сектора, общественных организаций и академических кругов. Основываясь на знаниях в своей конкретной области, они предлагали способы решения отдельных проблем безопасности. Многие эксперты принимали участие в процессе разработки на всем его протяжении, и их рекомендации рассматривались на всех этапах разработки стратегии. Основываясь на анализе министерств и ведомств и рекомендациях неправительственного сектора и академических кругов, были определены долгосрочные национальные интересы и среднесрочные стратегические цели, а также механизмы достижения этих целей.

Сформированная в феврале 2017 г. рабочая группа приступила ко второму этапу, который был сосредоточен на выработке основной концепции, методологии и структуры Стратегии национальной безопасности. Десять человек – представляющих Совет национальной безопасности; Агентство по безопасности и разведке; а также министерства обороны, внутренних дел и иностранных и европейских дел – разработали первый проект новой Стратегии национальной безопасности, который был пересмотрен четыре раза до того, как был принят.

Следует подчеркнуть, что каждый проект Стратегии национальной безопасности был представлен на рассмотрение всем соответствующим министерствам и ведомствам. Были организованы специальные «круглые столы» для экспертных групп; члены рабочей группы представляли предлагаемый текст, давали пояснения, получали комментарии и обменивались профессиональными мнениями относительно поправок. Делались презентации перед членами парламентского Комитета по внутренней политике и национальной безопасности и другими заинтересованными парламентариями, а также перед военными атташе и дипломатическими представителями стран НАТО и других стран-партнеров, перед главными редакторами и журналистами наиболее влиятельных хорватских СМИ, представителями

Парламент Хорватии единогласно поддержал усилия по разработке новой Стратегии национальной безопасности. На снимке заседание парламента в Загребе, в мае 2017 г.

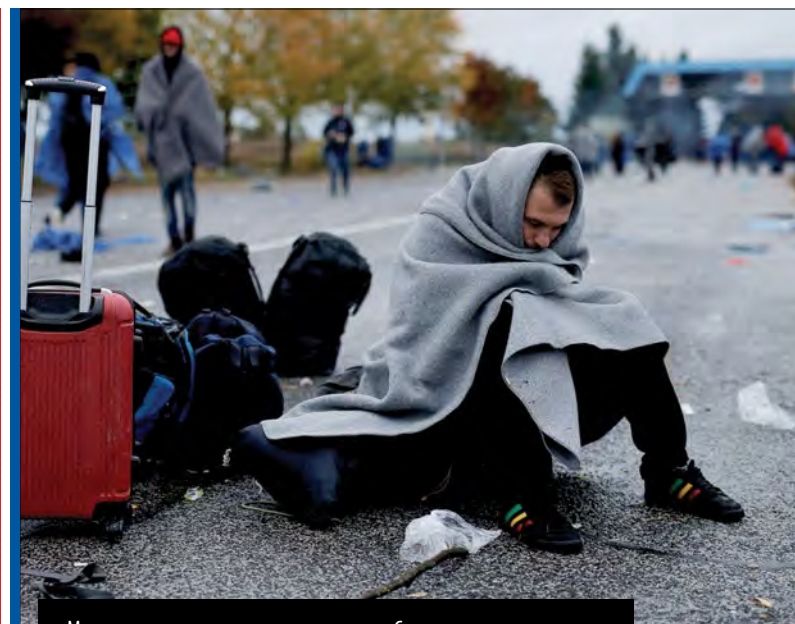
Ассоциации менеджеров безопасности Хорватии и Палаты частной безопасности Хорватии, перед представителями гражданских и неправительственных организаций, академическими кругами и ассоциацией ветеранов. Целью презентаций было включить в обсуждение как можно больше экспертов и практических работников. Профессиональные мнения, комментарии и рекомендации внесли большой вклад в совершенствование новой стратегии и достижение других важных целей, таких как получение поддержки будущих партнеров в сфере безопасности и достижение национального консенсуса в принятии Стратегии национальной безопасности.

Используя такой коллективный процесс, правительство Хорватии получило широкую поддержку общественности, средств массовой информации, гражданского общества, оппозиционных сил, частного сектора и будущих партнеров в сфере безопасности. Правительство Хорватии понимает, что только усилиями всего общества можно дать эффективный ответ на сегодняшние угрозы и вызовы безопасности. Модель, использованная при разработке и принятии этой стратегии безопасности, продемонстрировала, что такое сотрудничество достижимо.

Анализ показал, что существовавшая система национальной безопасности Хорватии требовала серьезной реформы, и что было необходимо разработать новую концепцию внутренней безопасности для того, чтобы обеспечить совместные и координированные усилия в сфере безопасности со стороны правительства, общественности и частного сектора. Был сделан вывод, что система национальной безопасности требовала участия государственных ведомств, министерств внутренних и иностранных дел, гражданской обороны, финансов,

здравоохранения и юстиции, а также служб безопасности и разведки, государственных и частных компаний, граждан и ассоциаций. Эта система будет регулироваться новым законом о внутренней безопасности, который ознаменовал собой начало создания новой системы национальной безопасности, основанной на партнерстве и концепции внутренней безопасности.

Разработка новой Стратегии национальной безопасности заняла менее семи месяцев и была абсолютно единогласно одобрена парламентом Хорватии в июле 2017 г. Она заложила основы для новой системы внутренней безопасности и ввела новые стандарты для создания национальных стратегий для ответов на риски, вызовы и угрозы безопасности.

Мигрант в ожидании перехода границы в Словению недалеко от хорватского г. Трновец. Миграция является одной из транснациональных угроз, о которых идет речь в новой Стратегии национальной безопасности Хорватии.

Содержание

Эта стратегия национальной безопасности устанавливает новую парадигму безопасности, основанную на безопасности человека и национальных интересов. Она описывает обстановку безопасности, в которой находится Хорватия, и определяет стратегические цели, а также инструменты и механизмы для её достижения. Национальные интересы имеют долгосрочный характер, в то время как стратегические цели, инструменты и механизмы являются среднесрочными и будут периодически оцениваться и корректироваться.

Обстановка безопасности имеет четыре уровня:

1. Глобальный – геополитическая конкуренция, технологическое развитие, изменение климата, быстрое изменение обстановки безопасности и менее предсказуемые, более сложные, быстро

трансформирующиеся угрозы безопасности.

2. Европа и соседние страны – зона нестабильности вокруг Европы и внутренние вызовы ЕС.
3. Юго-восточные соседи Хорватии – основные вызовы и возможности для Хорватии.
4. Угрозы безопасности, риски и вызовы для Хорватии.

Современная концепция безопасности – которая сосредоточена на безопасности людей и угрозах верховенству закона и демократии, которые снижают качество жизни и вызывают у граждан чувство незащищенности – направляла усилия по определению угроз безопасности, рисков и вызовов.

Вероятность традиционных угроз, таких как прямая военная угроза нападения с использованием обычных вооружений, была оценена как очень низкая. Такая же оценка была дана и вероятности террористического нападения, хотя, естественно, ни одна страна не может быть в абсолютной безопасности, когда речь идет о террористических угрозах. Однако, было подчеркнуто, что Хорватия сталкивается с политическими вызовами, угрозами разведывательной деятельности, действиями гибридного характера, которые не конвенциональны по своей природе и включают элемент кибератаки. Например, это может быть деятельность экстремистской группировки или отдельных людей или насильственное поведение спортивных фанатов, которое может повредить международной репутации Хорватии, а также иметь другие последствия. Также в качестве серьезной проблемы была названа коррупция в общественном секторе на государственном и на местном уровнях, которая имеет ряд негативных экономических и других последствий и может привести к потере доверия к общественным институтам.

Это также будет способствовать росту организованной преступности, которая поставит под угрозу верховенство закона, экономическую и финансовую стабильность и общественную безопасность. Особый упор был сделан на негативные тенденции, такие как миграция из страны молодой части населения, большой иностранный долг, недостаточный уровень инвестиций в новые технологии и знания, негативные последствия изменения климата, ухудшение положения с окружающей средой, возможности стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Однако, наиболее серьезный вызов безопасности представляют нетрадиционные угрозы. Основываясь на анализе обстановки безопасности и выявленных вызовов, угроз и рисков, основная структура Стратегии национальной безопасности была разработана с учетом четырех категорий национальных интересов:

1. Безопасность населения, территориальной целостности и суверенитета Хорватии является основным

условием существования государства и всех его функций.

2. Благополучие и процветание граждан является наиболее важным показателем успешного государства, демократической политической системы и стабильного общества.
3. Национальная самобытность, международная репутация и влияние дают возможность Хорватии участвовать в международных процессах и в формировании благоприятного международного климата.
4. Граждане Хорватии, проживающие за границей, пользуются особым вниманием и поддержкой правительства Хорватии.

В документе также определены девять стратегических целей:

1. Достижение наивысшего уровня безопасности и защиты населения и критически важных объектов инфраструктуры.
2. Создание и развитие системы внутренней безопасности.
3. Создание и поддержание сильной обороны.
4. Создание в Хорватии экологической безопасности и сильной и устойчивой экономики.
5. Демографическое обновление и «омоложение» хорватского общества.
6. Создание общественной администрации, ориентированной на благополучие граждан, и стратегической системы коммуникаций.
7. Защита, укрепление и развитие наивысших конституционных и национальных ценностей.
8. Укрепление международной репутации и влияния Хорватии.
9. Защита существования, самобытности и политической субъектности хорватов в качестве составной части населения Боснии и Герцеговины; защита и поддержка хорватов во всех остальных странах мира.

Стратегия безопасности рассматривается как продолжающийся процесс, в который включены фундаментальные ценности, национальные интересы и стратегические цели, и который обеспечивает одновременную реакцию на угрозы, вызовы и риски.

Заключение

Принятие новой Стратегии национальной безопасности очень важно для Хорватии и ее национальной безопасности. В связи с измененной парадигмой безопасности и обстановкой безопасности, система национальной безопасности должна быть адаптируемой, а это требует постоянного обновления, чтобы отвечать на современные угрозы и вызовы. Анализ показал, что Хорватии необходима более эффективная система, которая была бы инициативной, более восприимчивой и была в состоянии реализовать намеченные национальные интересы и стратегические цели, что станет возможным после

введения системы внутренней безопасности.

Главная цель Хорватии в том, чтобы направить все имеющиеся инструменты на продвижение и защиту ее национальных интересов и достижение стратегических целей путем комплексного подхода. Это должно включать координированные усилия всех правительственных учреждений, частного и общественного сектора, а также активное участие граждан в создании и реализации политики безопасности, которая координируется должным образом и является рентабельной, устойчивой и эффективной.

Новая стратегия безопасности также содержит механизмы, которые должны обеспечить выполнение ее целей и регулярный пересмотр ее составляющих. Это будет достигнуто путем предоставления правительством Хорватии парламенту страны ежегодных отчетов о ходе реализации стратегии. Кроме того, каждое новое избранное правительство в начале своего срока должно провести необходимый анализ и исследование на стабильность, обозначенные в документе о стратегии, и предложить необходимые изменения в соответствии с новыми обстоятельствами и целями безопасности.

Новая система внутренней безопасности принесет следующие выгоды:

- Обеспечение более четких стратегических ориентиров, рассмотрение всех угроз безопасности и рисков на национальном уровне и принятие совместных решений относительно скоординированных ответов на угрозы безопасности и риски.
- Избежание дублирования усилий и невозможности отреагировать на угрозу, потому что ответственность различных государственных учреждений определена нечетко.
- Обеспечение ответственных за принятие решений сотрудников в министерствах и других государственных учреждениях своевременной и нужной информацией, анализом и оценкой рисков безопасности.
- Обеспечение инициативной роли государства, граждан, неправительственных организаций, государственных и частных компаний и других заинтересованных сторон.

Эта новая система безопасности – основанная на парадигме безопасности человека – дает гражданам и союзникам уверенность в том, что Хорватия в состоянии отреагировать и дать решительный, мощный и недвусмысленный отпор любой угрозе или опасности в любое время. □

Генерал-майор в отставке Дамир Крстичевич, заместитель премьер-министра и министр обороны Хорватии, возглавлял Координационный комитет по разработке новой Стратегии национальной безопасности. Д-р Анита Перешин, старший советник в Совете национальной безопасности, была членом рабочей группы по разработке Стратегии национальной безопасности. Полковник Анто Зелич, военный атташе Хорватии в Великобритании, возглавлял рабочую группу по разработке Стратегии национальной безопасности.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Истребитель ВВС США F-35 «Молния-2»
летит на базу Королевских ВВС Лейкенхит
в Англии в апреле 2017 г.

СТАРШИЙ АВИАТЕХНИК КРИСТИН ГРЕНИНГ/
ВВС США

Молния

ЕВРОПОЙ

Материал редакции *per Concordiam*

Суперсовременные истребители F-35А участвуют в обучении восточноевропейских членов НАТО

25 апреля 2017 г. два истребителя F-35A «Молния-2» Joint Strike приземлились на военно-воздушной базе Амари в Эстонии. Три дня спустя еще два самолета F-35A прибыли на военно-воздушную базу Граф Игнатев в Болгарии. Эти самолеты были первыми самолетами, прибывшими в Европу для проведения обучения с участием этих новых истребителей пятого поколения. Многофункциональная платформа F-35 может выполнять задачи, которые традиционно выполняются несколькими специализированными самолетами, такие как воздушный бой, поддержка с близкого расстояния, наблюдение и разведка. Эти четыре самолета были в числе восьми самолетов, которые были направлены в Европу, вылетов с базы ВВС Хилл в штате Юта и приземлившись на базе Королевских ВВС Лейкенхит в Англии. Эти самолеты с передовой технологией «стелс» могут использоваться при обучении союзников и партнеров, помогая интегрироваться в инфраструктуру НАТО и повышая

эффективность взаимодействия. Размещение этих истребителей в Европе демонстрирует приверженность США своим обязательствам по Статье 5 Договора о НАТО, в которой говорится об обороне всех членов альянса. «Это размещение свидетельствует о вкладе нашей страны в безопасность и коллективную оборону здесь в Европе», – говорит генерал Куртис Скапаротти, командующий Командования США в Европе, приветствуя прибытие истребителей Joint Strike на базу в Лейкенхит.

Воздушная база Амари расположена в северо-западной части Эстонии примерно в 40 километрах от столицы страны, Таллина, и примерно в 240 километрах от российской границы. Представители ВВС США пояснили, что размещение истребителей начало планироваться давно, в тесной координации с принимающей эстонской стороной, и не имеет никакого отношения к повысившейся напряженности в регионе. Министр обороны Эстонии Маргус Тсакхна был особенно

Истребители ВВС США F-35 «Молния-2» приземляются на базе Королевских ВВС Лейкенхит в Англии в апреле 2017 г. Их прибытие ознаменовало первое обучающее размещение истребителей F-35A за пределами США.

СЕРЖАНТ-ТЕХНИК МЭТТЮ ПЛЮ/ВВС США

доволен таким проявлением солидарности. «Прибытие самых современных истребителей, оборудованных новейшими системами, в Европу поможет альянсу поддерживать фундаментальные суверенные права всех членов, – подчеркнул он. – Вас всегда рады здесь видеть. Хорошего вам пребывания в Эстонии и удачных полетов в нашем небе». В Эстонию также прибыли двадцать техников наземного обслуживания для обслуживания двух истребителей Joint Strike.

Находясь в Эстонии, пилоты «Молний» вместе с представителями сил специальных операций США и Эстонии проходили совместный курс обучения по поддержанию связи и координации действий с самолетом и продемонстрировали способности элитной машины тактических сил США. Подразделения Сил специальных операций США к этому времени уже находились в Эстонии и проходили обучение совместно с эстонскими коллегами и участвовали в операции «Атлантическая решимость». Эта операция имела своей целью укрепить оборонительные возможности самого восточного члена НАТО и убедить в поддержке со стороны НАТО его членов и партнеров, что необходимо было сделать после вторжения России в Украину.

На прошлой неделе на воздушной базе Граф Игнатев возле одного из крупнейших городов Болгарии Пловдива еще один контингент F-35A провел обучение партнеров по альянсу. «От нашего имени я скажу, что нас переполняет гордость, – отметил командующий болгарскими ВВС генерал-майор Цанко Стойков. – Наши усилия были оценены, нам доверяют как надежному союзнику, и это способствует развитию отношений между нашими двумя странами и между нашими военно-воздушными силами».

На базе Граф Игнатев находился также десяток истребителей F-15 Eagle, приписанных к 122-й эскадрилье 159-го авиаотряда воздушной национальной гвардии штата Луизиана. Самолеты находились на болгарской базе для участия в учениях «Фракийский орел-2017». Американские подразделения проходят учения совместно с болгарскими военными самолетами МиГ-29, Су-25 и L-39 и наземными подразделениями противовоздушной обороны, и сценарии включают совместные полеты, что подготавливает союзные силы к совместным боевым операциям в случае необходимости. «Соединенные Штаты и Болгарию связывает прочная и продолжительная дружба, – подтверждает командир 3-й группы ВВС США генерал-полковник Ричард Кларк. – В целях обучения мы постоянно используем совместные и комбинированные инициативы, такие как операция «Атлантическая решимость», и летные учения, такие как «Фракийское лето» и «Фракийская звезда». Наши обязательства перед Болгарией являются всего лишь примером нашей безоговорочной поддержки всем союзным странам».

После передового базирования в Эстонии и Болгарии истребители F-35A вернулись на базу Королевских ВВС Великобритании Лейкенхит для

Военнослужащие эстонских и американских сил специальных операций, выполняющие функции авиадиспетчеров, наблюдают за взлетом истребителя F-35A «Молния-2» с эстонской базы ВВС Амари. Апрель 2017 г.

ШТАБНОЙ СЕРЖАНТ ШАРЛИН МОЛЕР / КОМАНДОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЕВРОПЕ

продолжения своей обучающей задачи. По словам представителя ВВС США, размещение этих самолетов в Европе является важной вехой в программе истребителей Joint Strike. F-35A отрабатывали элементы взаимодействия при помощи планирования и координации операций с базой Лейкенхит и совместных летных операций с истребителями Великобритании F-16.

Помимо совершенствования интеграции и взаимодействия, размещение истребителей позволяет ВВС США продемонстрировать оперативные возможности новых самолетов, а также помогут отрегулировать требования к стоянкам этих самолетов на базе Лейкенхит в качестве подготовки к планируемой постоянной дислокации истребителей F-35 на этой базе и на других базах в Европе. Планируется разместить с 2021 г. две эскадрильи истребителей Joint Strike на базе Лейкенхит. Для обслуживания временного трехнедельного размещения самолетов вместе с самолетами Joint Strike в Англию прибыли 250 членов летного состава из американской военно-воздушной базы Хилл. И обслуживающий персонал, и самолеты принадлежат к 388 авиагруппе истребителей.

Представители Сухопутных сил США в Европе говорят, что операция «Атлантическая решимость» обеспечивает возможность проводить «продолжительные и усложненные многонациональные учения и совместные мероприятия, связанные с безопасностью, с союзниками и партнерами в Восточной Европе», которые нацелены на «совершенствование взаимодействия, укрепление отношений и доверия между союзными армиями, внесение вклада в региональную стабильность и демонстрацию приверженности США Североатлантическому Альянсу». Впервые учения «Атлантическая решимость» были проведены в апреле 2014 г. и включают многонациональное обучение и сотрудничество в сфере безопасности в Литве, Латвии, Польше, Румынии и Венгрии, помимо Эстонии и Болгарии. □

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Автор книги, редактор:
Паулин Джонс

Опубликована
издательством
**University
of Pittsburgh
Press, 2017 г.**

Рецензент:
Диана Кларк Гилл

А кты гражданского насилия всегда вызывают тревогу, независимо от того, откуда они берут начало или где именно его сторонники наносят удар. Однако, в случае со Средней Азией есть непонятные моменты. После распада Советского Союза в 1991 г. в новых независимых странах Средней Азии – Казахстане, Республике Кыргызстан, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане – произошло «исламское возрождение», когда местное население вновь вернулось к своему вероисповеданию после долгих лет советских репрессий. Это религиозное возрождение заставило многих предположить, что Средняя Азия присоединится к более обширному исламскому блоку, что приведет, как также предполагалось, к таким же формам общественных волнений и борьбе за власть, какие мы видели в 70-х и 80-х гг., когда волна исламского возрождения прошла по Ближнему Востоку. Тот факт, что ничего подобного не произошло, заставил ученых провести анализ региона Средней Азии и его отношения с исламом, которые, возможно, представляют уникальный феномен.

Паулин Джонс, автор и редактор антологии «Ислам, общество и политика в Средней Азии», утверждает, что «у нас все еще нет четкого понимания 1) степени, природы и значения исламского возрождения в Средней Азии и 2) его социального и политического значения с течением времени». Ее намерение состоит в том, чтобы «пролить свет на эти два главных вопроса, собрав международную группу ученых, представляющих различные дисциплины, которые смогут предложить свежее суждение», основанное на их академических изысканиях и наблюдениях во время поездок в страны Средней Азии. Среди 12 соавторов специалисты по странам Востока, антропологи, журналисты и независимые исследователи ислама.

Каждая глава посвящена конкретной сфере интересов данного соавтора. А интересы самые разнообразные – от незарегистрированных религиозных деятелей в странах Средней Азии до исследования исламских финансовых институтов. Джонс, директор Международного института в Университете штата Мичиган, разделяет книгу на четыре всеобъемлющих тематических исследования: «Повседневное исповедование ислама»; изменяющаяся природа «государственной политики» с учетом ислама; субъекты на местной религиозной сцене; исследование того, как выход на исламский

мир за пределами Средней Азии повлиял на исламское возрождение стран региона и, соответственно, как государства на это реагируют.

Чтобы понять духовный голод в этом регионе мира, необходимо осознать физические реалии, в которых живет население. То, что один из соавторов, Тим Эпкенханс, говорит о таджиках, можно, с небольшими вариациями, сказать и о казахам, киргизам, туркменам и узбекам: они все переживают «ежедневную борьбу с экономическим упадком, эксплуатацией ... насилием ... повальной коррупцией ... разваливающейся системой образования и здравоохранения, с политической и социальной маргинализацией, а также с отсутствием верховенства закона». Действительно, соавтор Вера Эхнерова указывает на то, что «некоторые ученые утверждали, что возрождение ислама ... представляет собой стратегический ход, чтобы люди смогли ужиться с центральными государственными органами, которые становятся все более и более неэффективными».

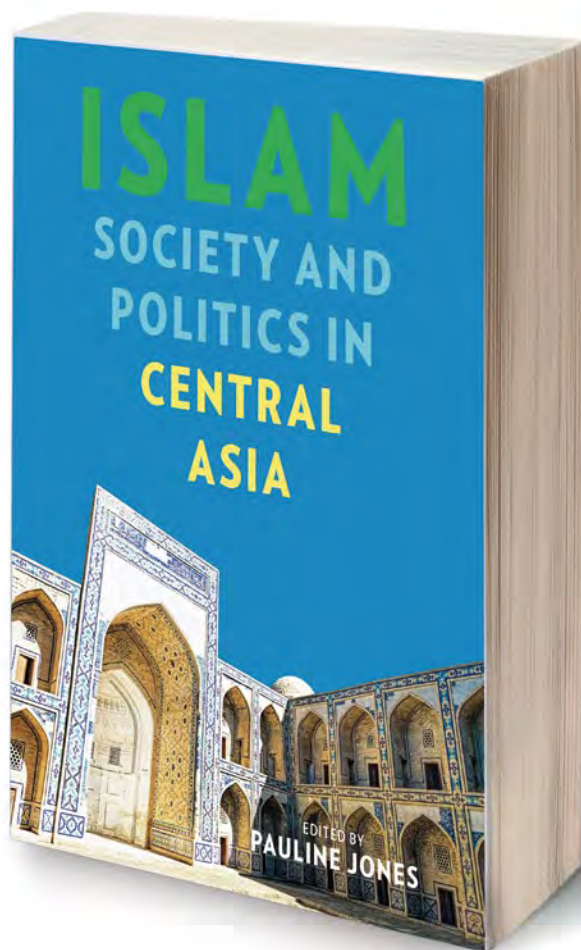
Авторитарные лидеры в странах Средней Азии удерживают свою власть, строго следя за проявлениями недовольства. Например, они признают важность ислама в жизни населения своих стран, однако, вместо того, чтобы предоставить людям доступ к исламским богословам, они облачили ислам в удобную для себя «упаковку». Проблема с такой отфильтрованной государством религией в том, что недовольные таким положением вещей люди для удовлетворения своих духовных запросов могут уйти в подполье. Соавторы Дэвид Абрамсон и Ноа Такер тут же подчеркивают, что это не означает, что эти недовольные начнут собираться в насильственные экстремистские группировки. «Гораздо более часто, – пишут они, – мусульмане в странах Средней Азии обращаются к другим формам духовных авторитетов, зачастую за пределами мечети или медресе», к таким как интернет, святым местам или неклерикальным религиозным лидерам.

Джонс объясняет, что это стремление государства «регулировать доминирующую религию порождено, в основном, опасением, что ислам превратится в альтернативную идеологию, которая снизит верность существующему режиму и, таким образом, послужит мощным источником политической мобилизации против режима». Она предостерегает, однако, что эта попытка «контролировать возможность религии мобилизовать оппозицию может иметь обратный эффект и вызвать народное сопротивление в различных формах, что пошатнет стабильность режимов в странах Средней Азии».

Круг замыкается, когда «народное сопротивление» раздувается государством до размеров «угрозы экстремизма» и «государство создает обстановку, в которой тысячи людей оказываются за решеткой в невыносимых условиях», – пишут Абрамсон и Такер. Но остается вопрос, почему в одних регионах мира «напряженность между светским государством и религиозным

населением проявляется более агрессивно, чем в других?» Соавтор Алишер Хамидов предлагает простой ответ: «Насильственная конфронтация между государством и религией не обязательно является результатом политических репрессий, этнической дискриминации, иностранного вмешательства или столкновения цивилизаций». Скорее всего, они являются результатом того, что государство навязывает непопулярную политику без предварительных переговоров с местными посредниками власти. Использование местных посредников власти может смягчить неприятный переход и предотвратить насилие. «Клановость, трайбализм, регионализм и местечковость часто представляются правительственными чиновниками и некоторыми учеными в негативном свете, – пишет Хамидов. – Однако, исследования показывают, что при определенных обстоятельствах неформальные структуры могут играть значительную роль в сглаживании конфликтов».

Наиболее привлекательной особенностью книги Джонс «Ислам, общество и политика» является сплетение суждений различных авторов в единое целое – и это дает читателю исследование предмета с точки зрения различных дисциплин. Мое единственное замечание состоит в том, что, имея столько соавторов, в повествовании не просматривается единый голос, который изложил бы сжатый вывод исследования. □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam

Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации

George C. Marshall

European Center for Security Studies

Gernackerstrasse 2

82467 Garmisch-Partenkirchen

Germany

Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568

Факс: +49-8821-750-2650

www.marshallcenter.org

registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПАСС)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПАСС 18-16

5 Сентябрь –
15 Ноябрь 2018

Сентябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

Октябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

Ноябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

В центре внимания этой программы резидентуры находятся угрозы национальной безопасности, исходящие от контрабандных операций и других преступлений. Курс рассчитан на правительственных и государственных чиновников и практических работников, которые занимаются разработкой политики, правоохранительной и разведывательной деятельностью, а также операциями перехвата.

БТОП 18-07

5-27 Апрель 2018

Апрель						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

БТОП 18-14

2-24 Август 2018

Август						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

ПТВБ 18-05

14 Февраль –
15 Март 2018

Февраль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28			

Март						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

ПТВБ 18-12

27 Июнь –
26 Июль 2018

Июнь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

Июль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

ПВКБ 18-02

5-21 Декабрь 2017

Декабрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Семинар имеет целью систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

СРБ 18-04

18 Январь -
8 Февраль 2018

Январь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

Февраль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	2
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28			

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

СВРС 18-11

4-8 Июнь 2018

Июнь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Дин Рид, Директор
программ для выпускников
тел +49-(0)8821-750-2112
reeddg@marshallcenter.org

Специалисты по связям с выпускниками

Дру Бек

Юго-Восточная Европа

Языки: английский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2291
ryan.beck@marshallcenter.org

Кристиан Эдер

Западная Европа

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2814
christian.eder@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Центральная Азия, Южный Кавказ,
Россия, Молдова, Украина, Беларусь
— Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Кристофер Бурелли

Центральная Европа, Прибалтийские госу-
дарства — специалист по противодействию
терроризму

Языки: английский, словацкий, итальянский,
немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2706
christopher.burelli@marshallcenter.org

Донна Джанка

Африка, Ближний Восток, Южная и
Юго-Восточная Азия, Северная и Южная
Америка — специалист Оперативного центра
по противодействию терроризму (СТОС)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

Подать материал для публикации

Вы заинтересованы в подаче материалов для публикации в журнале *per Concordiam*? Правила подачи материалов для публикации можно найти по адресу <http://tinyurl.com/per-concordiam-submissions>

Подписаться

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала *per Concordiam*, пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

Найти нас

Вы можете найти *per Concordiam* в интернете по адресу:

Центр им. Маршалла: www.marshallcenter.org

Twitter: [www.twitter.com/per_concordiam](https://twitter.com/per_concordiam)

Facebook: www.facebook.com/perconcordiam

GlobalNET портал: <https://members.marshallcenter.org>

Цифровая версия: <http://perconcordiam.com>

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене, Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА